

Контакты родственных языков как фактор формирования энецких идиомов

© 2024

Анна Юрьевна Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
urmanna@yandex.ru

Аннотация: В статье реконструируется история формирования двух близкородственных идиомов: лесного и тундрового энецкого, относящихся вместе с распространенными в том же регионе нганасанским и лесным и тундровым ненецким к северной подгруппе самодийских языков. Приводятся аргументы в пользу того, что общененецкий язык мог сформироваться в процессе перехода с языка, близкого к нганасанскому, на язык, близкий к (тундровому) ненецкому. При этом энецкий — вероятно, в силу географически центрального положения в группе северно-самодийских языков Приполярья и малочисленности носителей — на протяжении всей своей истории испытывал влияние нганасанского и ненецкого. Поэтому первичные энецко-нганасанские изоглоссы субстратного характера важно отделять от вторичных контактных изоглосс, объединяющих с нганасанским общененецкий и в более позднюю эпоху — тундровый энецкий. В статье будут рассмотрены нганасанско-энецкие изоглоссы (фонологические, морфонологические, морфологические) и предложена их стратификация на первичные субстратные и вторичные контактные.

Ключевые слова: нганасанский язык, ненецкий язык, самодийские языки, субстрат, энецкий язык, этническая история, языковой сдвиг, языковые контакты

Для цитирования: Урманчиева А. Ю. Контакты родственных языков как фактор формирования энецких идиомов. *Вопросы языкознания*, 2024, 5: 25–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.5.25-59

The role of contacts within genetically related languages in the formation of Enets idioms

Anna Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
urmanna@yandex.ru

Abstract: The article examines the history of two closely related idioms: Forest and Tundra Enets, which, together with Nganasan and Forest and Tundra Nenets, spoken in the same region, belong to the Northern subgroup of Samoyedic languages. Arguments are given in favor of the hypothesis that the Protoenets language could have been formed in the process of transition from a language close to Nganasan to a language close to (Tundra) Nenets. At the same time, Enets — due to its geographically central position in the group of Northern Samoyedic languages of the Circumpolar region and the small number of speakers — has been influenced by Nganasan and Nenets throughout its history. Therefore, it is important to differentiate between the primary Enets-Nganasan isoglosses of a substrate nature and the secondary contact isoglosses, which unite Protoenets with Nganasan and, in a later period, Tundra Enets. The article examines Nganasan-Enets isoglosses (phonological, morphophonological, morphological) and proposes their stratification.

Keywords: Enets, ethnic history, language contacts, language shift, Nenets, Nganasan, Samoyedic, substrate

For citation: Urmanchieva A. Yu. The role of contacts within genetically related languages in the formation of Enets idioms. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 5: 25–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.5.25-59

1. Введение

В работе рассматривается история формирования двух близкородственных северносамодийских идиомов: лесного и тундрового энецкого (в том случае, если надо обозначить оба идиома, также используется термин «энецкий»). Северная подгруппа самодийских языков состоит из занимающего обособленное положение нганасанского и объединяющихся в промежуточную подгруппу лесного и тундрового ненецкого, лесного и тундрового энецкого и маторского, см. [Helinski 1997/2022]. Не углубляясь в дискуссии о соотношении языков внутри ненецко-энецко-маторской подгруппы, подчеркнем наиболее важный для данной работы факт (который отражается и в других классификациях, например, предложенных в [Katz 1987; Janhunen 1998]): нганасанский в лингвистическом отношении находится дальше от энецкого, чем ненецкий. В данной работе приводятся аргументы в пользу того, что история формирования энецкого могла быть сложнее, чем дивергенция общего ненецко-энецко(-маторского) праязыка. Энецкий язык мог сформироваться в процессе перехода с языка, близкого к нганасанскому, на язык, близкий к (тундровому) ненецкому: в ряде случаев удается показать, что более раннее реконструируемое состояние энецкого демонстрирует большее сходство с нганасанским.

Вместе с тем в географическом отношении энецкий занимает (и занимал в исторически обозримое время) промежуточное положение между ненецкими идиомами и нганасанским и развивался в постоянном контакте с ними. Поэтому на картину первичных энецко-нганасанских изоглосс субстратного характера (а также на массив ненецко-энецких адстратных изоглосс, которые и обуславливают отнесение энецкого к одной подгруппе с ненецким) накладываются вторичные контактные изоглоссы, среди которых — общеэнецко-нганасанские, а также более поздние, объединяющие тундровый энецкий с нганасанским и лесной энецкий — с тундровым ненецким. Мы сосредоточимся на нганасанско-энецких изоглоссах (фонологических, морфонологических, морфологических) и их стратификации на первичные субстратные и вторичные контактные.

2. Историческая фонетика: влияние нганасанского субстрата

2.1. Сохранение дифтонгов

Влиянием нганасанского субстрата можно объяснить рефлексацию в энецком прасамодийских вокалических последовательностей вида $*V\bar{a} \sim *V\bar{ä}$ в первом слоге. Из всех самодийских языков (не только северносамодийских) такие вокалические последовательности в виде дифтонгов сохраняются в двух языках — в энецком и нганасанском. В ненецком эти вокалические последовательности упростились, другие самодийские языки, в том числе селькупский и камасинский, также указывают на их историческую неустойчивость, ср.:

$*k\bar{a}\bar{ä}$ ‘умереть’ > эн. *kaa-*, нг. *kuä-*, но т. нен. *ха-*, ср. также ск. *kũ-*, км. *k'u-¹*;

¹ Прасамодийские реконструкции приводятся по [Janhunen 1977] с учетом изменений в реконструкции прасамодийского вокализма, предложенных в [Helinski 2005]. Материалы по отдельным самодийским языкам приводятся по следующим источникам: для нганасанского и энецкого

- **roâj* ‘год’ > эн. *ria*, нг. *xuo*, но т. нен. *po*, ср. также ск. *po*, км. *p’je*;
 **woâj* ‘остров’ > эн. *huo*, нг. *nyai*, но т. нен. *jo*, ср. также ск. *ko*;
 **piâ* ‘позади’ > эн. *pio*, нг. *xuo*, но т. нен. *pî*, ср. также ск. *pî*, км. *p’u-*, *pî-*;
 **tîâ* ‘облако’ > эн. *t’io-ri*, нг. *chi-py*, *chi-zu*, но т. нен. *tyi-r°*, ср. также ск. *tî*, км. *tî*;
 **teâ* ‘домашний олень’ > эн. *tia*, нг. *maa*, но т. нен. *tî*, ср. также км. *t’o*;
 **tîâj-* ‘рукав’ > эн. *tio-jo*, нг. *chi-de*, но т. нен. *tyi*, ср. также ск. *tî-naŋ*, км. *ti*.

Модель дивергенции промежуточных праязыков предполагала бы необходимость реконструировать вокалические последовательности для ненецко-энецкого языка с последующим устранением их в ненецком и сохранением — в энецком². С нашей точки зрения (которую мы надеемся подтвердить совокупностью рассмотренных в статье фактов), логичнее трактовать сохранение таких последовательностей в энецком как черту, унаследованную этим языком от субстрата нганасанского типа.

2.2. Различение рефлексов **a* в зависимости от сингармонического ряда слова

Существенное уточнение в правила рефлексии двух прасамодийских гласных — **ä* и **a* (**e* и **ä* в реконструкции [Janhunen 1977]) были внесены в работе [Гусев 2022], где показано, что каждый из этих гласных может иметь в ряде самодийских языков (нганасанском, селькупском, камасинском и, возможно, маторском) по два рефлекса — в зависимости от сингармонического ряда слова, который можно определить по сингармонической характеристике корня в нганасанском³. Поскольку раздвоение рефлексов **a* и **ä* представлено в языках двух ветвей — в нганасанском и южносамодийских — это явление в нганасанском следует рассматривать как архаизм, а его отсутствие в ненецком и энецком — как общую инновацию⁴.

Однако в лесном энецком в трех позициях противопоставление рефлексов **a* (U) и **a* (I) фонологизировано.

Во-первых, это анлаутная позиция:

- (1) а. переднерядные рефлексы
 **ar-* ‘ходить за водой’ > л. эн. *erir-*, ср. нг. *нялы*²- (I);
 **atз-* ‘верх’ > л. эн. *edo*, ср. нг. *нячи-* (I) ‘выше по реке’;
 **al-tä-* ‘радоваться’ > л. эн. *ede-*, ср. нг. *нялты-* (I);

использовались неопубликованные словари, собранные Е. А. Хелимским (для нганасанского также дополнительно словарь [Костеркина и др. 2001]), для тундрового ненецкого — [Salminen 1998], для маторского — [Helinski 1997], для селькупского — [Alatalo 2004], для камасинского — [Donner, Joki 1944] (иногда с дополнениями по [Castrén 1855]).

² В ненецком, по-видимому, сохранялись в определенный период только вокалические последовательности с первым гласным верхнего подъема, о чем свидетельствует долгота гласных в случаях типа т. нен. *tyi-r°* ‘облако’, *pî* ‘позади’, *tyi* ‘рукав’ (отметим, что в ненецком в данном случае имеет место монофтонгизация, нехарактерная для нганасанского и энецкого, сохраняющих разное качество первого и второго гласного в вокалических последовательностях), следов сохранения иных вокалических последовательностей в ненецком нет.

³ Поэтому для обозначения сингармонического ряда слова мы употребляем обозначения, принятые для нганасанского: (I) — переднерядные основы, (U) — заднерядные основы.

⁴ Вероятно, это явление существовало в статусе аллофонического варьирования, и в языках, утративших сингармонизм, произошло выравнивание, а в языках, сингармонизм сохранивших, — фонологизация этого противопоставления.

b. заднерядные рефлексy

**amtā* ‘рог’ > л. эн. *nado* (при т. эн. *edo*), ср. нг. *уамтэ* (U);

**aṃtā* ‘лезвие’ > л. эн. *nado* (при т. эн. *edo*), ср. нг. *уаче* (U);

**aṃ* ‘рог’ > л. эн. *naʔ* (при т. эн. *eʔ*), ср. нг. *уау* (U);

**antā-mā* ‘взмолиться’ > л. эн. *nadoo-* (при т. эн. *edoo-*), ср. нг. *уантэмэ-* (U).

Во-вторых, это позиция после анлаутного *j:

(2) a. переднерядные рефлексy

**jalä* ‘день’ > л. эн. *d'ere*, ср. нг. *дялы* (I);

b. заднерядные рефлексy

**jaʔke* ‘дым’ > л. эн. *d'aki* (так же т. эн.), ср. нг. *дякагэ* (U);

**jaṃkājw-* ‘не иметься’ > л. эн. *d'agi-* ‘не иметься’ (т. эн. *d'igu-*), ср. нг. *дяугуй-* (U);

**jaʔ(ā)-* ‘выковать’ > л. эн. *d'ado-* (т. эн. *d'edo-*), ср. нг. *дяʔ-* (U).

В-третьих, это позиция после анлаутного *j. Для этой позиции не найдено примеров слов, относящихся к переднерядному гармоническому классу⁵, но это и не так важно: для нас наиболее существенно показать, что в трех рассматриваемых позициях рефлексация *a в заднерядных словах в лесном энецком отличается от стандартной (которой является переход *a > эн. e):

(3) заднерядные рефлексy

**ṃaṃ* ‘толстый’ > л. эн. *naus-* ‘быть толстым’ (в т. эн. когнатного слова нет), ср. нг. *нячегээ* (U);

**ṃaṃä-* ‘голый; лысый’ > л. эн. *nae-xa* (т. эн. *eo-do*), нг. *няадэ* (U);

**ṃaṃä-rä* ‘мездра’ > л. эн. *naara* (т. эн. *eara*), ср. нг. *няэру* (U).

Если оставаться в рамках стандартной модели дивергенции языков северносамодийской подгруппы, факты лесного энецкого должны были бы заставить нас реконструировать гармонию гласных, влиявшую на рефлексацию *a, даже для периода после диалектной дифференциации протоэнецкого.

Однако одновременно мы наблюдаем в обоих энецких идиомах переход *a в передний гласный (вне зависимости от сингармонической характеристики корня) — переход, характерный для ненецкого, но не для нганасанского. В частности, в энецком, как и в ненецком, перед *a в словах **любого сингармонического ряда** происходит переход *k > s, см. о нем в следующем подразделе.

В итоге мы должны признать, что в лесном энецком сосуществуют, с одной стороны, противопоставление рефлексов *a (U) и *a (I) как заднерядного и переднерядного гласных (в трех позициях), с другой стороны — переход *a в переднерядный гласный вне зависимости от сингармонической характеристики корня. Первый переход при этом предполагает сохранение гармонии гласных вплоть до этапа независимого существования лесного и тундрового энецкого, второй — устранение гармонии гласных и продвижение **любого** *a вперед еще на этапе гипотетического общененецкоэнецкого. Иными словами, мы наблюдаем в энецком два исторических несовместимых друг с другом явления.

Эту ситуацию можно объяснить, если исходить из нашего предположения о том, что энецкий сформировался в результате перехода с языка типа нганасанского на язык типа ненецкого: в энецком на периферии сохраняются некоторые субстратные явления, генетически общие с наблюдаемыми в нганасанском, и одновременно представлены продуктивные явления, объединяющие его с ненецким.

⁵ Впрочем, в отсутствие южносамодийских соответствий мы не можем определить л. эн. *edo* ‘верх’, ср. нг. *нячи-* (I) ‘выше по реке’, и л. эн. *ede-* ‘радоваться’, ср. нг. *няты-* (I) ‘радоваться’, как слова, представляющие вокалический анлаут или анлаутный *j-.

2.3. Трактовка **ü* как заднерядного гласного и развитие **k*

В нганасанском — единственном из всех самодийских — гласный **ü* ведет себя как заднерядный (при сохранении переднерядной гармонической характеристики корня). В частности, анлаутный **k* перед **ü* ведет себя так же, как в заднерядных словах, то есть не переходит в сибилант, ср. **küðŋ* (**küŋ* в [Janhunen 1977: 79]) ‘пуп’ > т. нен. *syúh*, т. эн. *s’uŋ?*, ск. *śōñ*, км. *šāŋ*, *šāñ*, но нг. *киш*.

Условия перехода анлаутного **k* в сибилант в энецком и ненецком совпадают, но отличаются от представленных в нганасанском, где этот переход не только не происходит перед **ü*, но и чувствителен к сингармоническому ряду слов с **ä* и **a*, см. таблицу 1.

Таблица 1

Переход **k* > *s/š* перед передними гласными в самодийских языках

Гласный корня	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	Селькупский	Камасинский	Маторский
* <i>a</i> (U)	<i>sya-</i> <i>syal°h</i> ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]	<i>se-</i> <i>seri?</i> ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]	<i>ka-</i> <i>кали</i> ^C ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]	<i>kā-</i> <i>ḱālīñ</i> ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]	<i>ka-</i> <i>ḱ’ālêŋ</i> ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]	<i>kū-</i> (ср. <i>kädər-</i> ‘чихать’ [Janhunen 1977: 63])
* <i>a</i> (I)	<i>sya-</i> ⁶	<i>se-</i>	<i>ša-</i> <i>сярымсы</i> ⁷ ‘устыдиться’ [Janhunen 1977: 68]	<i>šo-</i> <i>šoräši-</i> ‘стыдиться’ [Janhunen 1977: 68]	<i>še-</i> <i>šēräl’em</i> ‘стыдиться’? ср. кой- бальск. <i>сарлянь</i> [Janhunen 1977: 68]	нет данных
* <i>ä</i> (U)	<i>syē-</i> <i>syēsər/cy°</i> ‘шуршать’ [Гусев 2022: 47]	<i>se-</i> <i>sesana-</i> ‘шуршать’ [Гусев 2022: 47]	<i>ka-</i> <i>касырса</i> ‘шуршать’ [Гусев 2022: 47]	<i>kā</i> <i>ḱātəŋ</i> ‘иней’ [Alatalo 2004: 273]	<i>ka-</i>	нет данных
	<i>syedyah</i> ‘иней’ [Alatalo 2004: 273]				<i>ḱadaŋ</i> ‘первый снег’ [Alatalo 2004: 273]	
	<i>syempye(sy°)</i> ‘держаться на поверхно- сти, не про- валиваясь’, <i>syempyad°</i> ‘поплавок’ [Alatalo 2004: 1836]	т. эн. <i>sebetu?</i> ~ <i>sebotu?</i> , л. эн. <i>seboru?</i> ‘поплавок’		<i>ḱāmpə-</i> ‘пла- вать на по- верхно- сти’ [Alatalo 2004: 1836]		

⁶ Для энецкого и ненецкого нет примеров, позволяющих по нганасанскому соответствию определить слово с **a* как относящееся к переднему ряду, но нет оснований реконструировать иные рефлексy.

⁷ В [Janhunen 1977: 68] восстанавливается **ker-*, но нганасанский (и койбальский, см. в ячейке камасинского материала в данной строке таблицы) указывают на **kär-*.

Гласный корня	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	Селькупский	Камасинский	Маторский
*ä (I)	<i>syē-</i> <i>syerə</i> (sy°) ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]	<i>se-</i> <i>sero-</i> ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]	<i>še-</i> <i>sepaḍi</i> ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]	<i>še-</i> <i>šēr-</i> ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]	<i>še-</i> <i>šērəl’em</i> ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]	<i>ke-</i> <i>ker-</i> ‘надеть’ [Janhunen 1977: 68]
*e	<i>syi-</i> <i>syiq</i> ‘подобие’ [Janhunen 1977: 62; Helimski 2005: 33]	<i>s’i-</i> <i>s’idoḡo</i> ‘тень живого существа’ [Janhunen 1977: 62; Helimski 2005: 33]	<i>si-</i> <i>syḷ, syḷaḡkə</i> ‘тень живого существа’ [Janhunen 1977: 62; Helimski 2005: 33]	<i>ši-</i> <i>ši-</i> основа аккузатива личных местоимений [Janhunen 1977: 62; Helimski 2005: 33]	<i>ši-</i> <i>šimḍə</i> ‘кто?’ < *ke- [Helimski 2005: 30]	<i>ki-</i> <i>kim</i> (? kim) ‘кто?’ < *ke- [Helimski 2005: 30]
*i	<i>syi-</i> <i>syidya</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]	<i>si-</i> <i>s’ide</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]	<i>ši-</i> <i>cumi</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]	<i>ši-</i> <i>šitə</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]	<i>ši-</i> <i>šide</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]	<i>ki-</i> <i>kide</i> ‘два’ [Janhunen 1977: 71]
*ü	<i>syu-</i> <i>syüh</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79] ⁸	<i>šu-</i> <i>s’u?</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79]	<i>ki-</i> <i>kuḷu</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79]	<i>šü-, šö-</i> <i>šöñ</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79]	<i>šü-, šV-</i> <i>šāñ, šāñ</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79]	<i>kü-</i> <i>küj</i> ‘пуп’ [Janhunen 1977: 79]

Однако непродуктивные диминутивные суффиксы показывают в энецком и ненецком другие условия перехода *k в сибилант. В энецком представлен непродуктивный диминутивный суффикс, имеющий два гармонических варианта:

эн. -*igu* < ПСС **-jeṅko* (U) ~ эн. -*id’u* < **-jensö* < ПСС **-jeṅkō* (I)

Для ненецкого также можно рассмотреть непродуктивный диминутивный суффикс:

т. нен. -*yeko* < ПСС **-jeṭ’ko* (U) ~ -*yeco* < **-jeṭ’sö* < ПСС **-jeṭ’kō* (I).⁹

В таблицах 2 и 3 приводится распределение двух алломорфов диминутивных суффиксов в энецком и ненецком в зависимости от корневого гласного (в том случае если когнатное слово имеется в нганасанском и известна его сингармоническая характеристика, при слове указывается сингармонический ряд).

⁸ В [Janhunen 1977: 79] дана праформа **küj*, современные записи позволяют уточнить праформу в виде **küñ*.

⁹ В нганасанском перехода *k > s в суффиксах нет. Соответствующие диминутивные суффиксы всегда выступают в нганасанском в форме -*AṛKU*₀ либо -*AḍKU*₀. При этом *k сохраняется в нганасанском также и в тех переднерядных алломорфах суффиксов, гласный которых в ином случае — в анлауте слова — вызывает переход *k > нг. s, ср. *сярү-кяли* (I) [стыд-сарг] ‘бесстыжий’ < **karz-kali* (I). Поскольку в одном и том же фонетическом контексте в анлауте корня переход *ka (I) > нг. s’a происходит, но в суффиксе перехода нет, можно предположить, что в нганасанском произошло вторичное выравнивание в суффиксе для устранения слишком значительного различия между алломорфами (заглавными буквами здесь и далее обозначается морфонологическая запись нганасанских морфем).

Таблица 2

**Корневой гласный и гармонический ряд слова с диминутивными суффиксами
-igu ~ -id'u в тундровом энецком**

Гласный корня	Суффикс т. эн. -igu	Суффикс т. эн. -id'u
*ā	<i>patuδ-igu</i> (U) 'рыхлый снежок'	
*ǣ	т. эн. <i>kol-igu</i> , л. эн. <i>kor-igu</i> (U) 'ящичек'	
*ǧ		<i>et'-id'u</i> 'молодой' (соотв. т. нен. <i>ηасу</i> ¹⁰)
*a (U)	<i>meδ-igu</i> (U) 'чумик'	
*a (I)		нет примеров
*ä (U)	<i>enet'e-igu</i> (U) 'человечек'	
*ä (I)		<i>d'eddos'i-id'u</i> (I) 'Енисейчик'
*e (U)	<i>usu-igu</i> (U) 'суставчик'	
*e (I)		<i>sir-id'u</i> 'солица' ¹¹
*o	<i>poδer-igu</i> (U) 'лямочка'	
*u	<i>tuδ-igu</i> (U) 'сальце'	
*ü	<i>s'u-igu</i> (I) 'пупочек'; <i>d'ur-igu</i> (I) 'сотенка'	
*j		нет примеров
*i		<i>ñi-id'u</i> (I) 'имечко'
*e		ср. <i>bid-it'u</i> 'водичка' ¹²

Для ненецкого также рассмотрим два варианта диминутивного суффикса *-yeke* ~ *-ye-су*, дополнительно внеся в таблицу 3 также информацию о других деривационных суффиксах с подобным алломорфическим варьированием.

Таблица 3

**Корневой гласный и гармонический ряд слова с суффиксами с *k или *Ck,
имеющими вариант с т. нен. k либо c**

Гласный корня	Суффикс с т. нен. k	Суффикс с т. нен. c
*ā	<i>xad-yeke</i> (U) 'ель'	
*ǣ		нет примеров
*ǧ		<i>xæbyi-су</i> ¹⁰ (I) 'короткий'
*a (U)	<i>myad-yeke</i> (U) 'чумик'	
*a (I)	<i>yal-yeke</i> (I) 'серый'	
*ä (U)	<i>nyenesyi-yeke</i> (U) 'человечек'	

¹⁰ На этимологический передний ряд указывает чередование *yø* // *ye* в форме АСС.РЛ в ненецком.

¹¹ Значения 'лед', 'соль' и 'белый' передаются в северносамодийских языках одним корнем. В переднерядном варианте — наряду с более распространенным заднерядным — оно встретилось в нганасанских текстах и словарных материалах в формах *сырты* 'его соль', *сырты* 'его лед', *сыриалыдыа* 'белесый', *сыриайси* 'белый', *сырлиа* 'ледяной', букв. 'только лед'.

¹² В этом слове представлен переднерядный вариант *-it'u* другого диминутивного суффикса, эн. *-iku* (U) ~ *-it'u* (I), но в энецком слов с ним почти нет.

Гласный корня	Суффикс с т. нен. <i>k</i>	Суффикс с т. нен. <i>c</i>
<i>*ä</i> (I)		<i>nyer^o-суи-na</i> (I) ‘раньше’
<i>*e</i> (U)	<i>wen-yeko</i> (U) ‘собака’	
<i>*e</i> (I)		<i>ñeda-ncyo-</i> (I) ‘защищаться’
<i>*o</i>	<i>xor-yeko</i> (U) ‘прирученный молодой олень’	
<i>*u</i>	нет примеров	
<i>*ü</i>		<i>tyur^o-суиq-</i> ‘иметь что-л. опорой, использовать что-л. в качестве опоры’; <i>nyüdye-суиq-</i> ‘тащить, волочить за собой’
<i>*j</i>	<i>min-yeko</i> ‘герой, от лица которого ведется ярабц’	
<i>*i</i>		<i>yüid-yecyo</i> (I) ‘десяток’
<i>*e</i>		<i>yüid-yecyo</i> (I) ‘водичка’

Можно видеть, что выбор одного из вариантов суффикса (с велярным или с сибилантом) и в ненецком, и в энецком скоррелирован с сингармоническим классом слова в прасамодийском: слова с **e*, **a*, **ä* и **ə* (**ə* (U) ~ **ä* (I)) сохраняют в этом случае различие двух сингармонических классов. В энецком, однако, особым образом ведет себя гласный **ü*: хотя это, несомненно, переднерядный гласный, при основах с корневым **ü* выбирается заднерядный вариант суффикса: эн. *s'u-igu* (I) ‘пупочек’; *d'ur-igu* (I) ‘сотенка’. В ненецком в словах с **ü* употребляется переднерядный вариант суффикса, ср. имперфективные глаголы *tyur^o-суиq-* ‘иметь что-л. опорой, использовать что-л. в качестве опоры’; *nyüdye-суиq-* ‘тащить, волочить за собой’.

Диминутивный энецкий суффикс *-igu* ~ *-id'u* не имеет параллелей в ненецком, но находит этимологическое соответствие в нганасанском *-AḶKU_o*. Логично предположить, что энецкий суффикс в данном случае сохраняет архаичное распределение алломорфов субстратного нганасанского суффикса, впоследствии утратившего алломорфическое варьирование этого типа в нганасанском.

Итак, история развития **k* также позволяет выделить в энецком два хронологических пласта. К более инновационному относится изоглосса, объединяющая ненецкий с энецким: переход анлаутного **k* в сибилант, зависящий от качества гласного, но не от сингармонической характеристики корня. Исследование поведения **k* в суффиксах в энецком и ненецком позволяет выявить более архаичное состояние (периода сохранения гармонии гласных), в котором по одному из параметров энецкий демонстрирует сходство уже с нганасанским: это сохранение велярного в словах с **ü* (I) в диминутивных суффиксах.

3. Историческая фонетика: энецкие инновации, возникшие под вторичным влиянием нганасанского

Мы рассмотрим ряд собственно энецких инноваций в сфере исторической фонетики и постараемся показать, что причиной их зарождения могли стать вторичные контакты с нганасанским языком. Энецкие системные инновации касаются прежде всего консонантизма.

3.1. Судьба интервокальных кластеров

Интервокальная позиция обнаруживает наибольшее своеобразие энецкого в сравнении с ненецким и нганасанским: в энецком устранены все интервокальные кластеры, ср., например: **kâmpa* > нг. *ко́нху*, т. нен. *хатра*, но т. эн. *kaba* ‘волна’.

Развитие кластеров в трех северносамодийских языках представлено в таблице 4 (для нганасанского также приводятся результаты чередования по ритмической и слоговой градации, о которых подробнее см. после таблицы):

Таблица 4

Интервокальные кластеры в северносамодийских языках

ПСС	Тундровый ненецкий	Энецкий		Нганасанский		
		т. эн.	л. эн.	РГ, сильная ступень	РГ, слабая ступень	СГ, слабая ступень
кластеры, принимающие участие в чередовании ступеней						
<i>*mp</i>	<i>mb</i>	<i>b</i>		<i>ɲh</i> (< <i>mp</i>)	<i>^ch</i> (< <i>p</i>)	<i>mb</i>
<i>*nt</i>	<i>n</i>	<i>d</i> / <i>dd</i> ¹³		<i>nt</i>	<i>^ct</i>	<i>nd</i>
<i>*ɲk</i>	<i>ɲg</i>	<i>g</i> / <i>gg</i>		<i>ɲk</i>	<i>^ck</i>	<i>ɲg</i>
<i>*ns</i>	<i>nc</i>	<i>d'</i>	<i>s</i>	<i>ns</i>	<i>^cs</i>	<i>nd'</i>
кластеры, не принимающие участия в чередовании ступеней						
<i>*lt</i>	<i>l</i>	<i>d</i> / <i>dd</i>		<i>lt</i>		
<i>*mt</i>	<i>md</i>	<i>d</i> / <i>dd</i>		<i>mt</i>		
<i>*ɲt</i>	<i>nd</i>	<i>d</i> / <i>dd</i>		<i>jt'</i>		
<i>*rk</i>	<i>rg</i>	<i>g</i> / <i>gg</i>		<i>rk</i>		
<i>*rs</i>	<i>rc</i>	<i>d'</i>	<i>s</i>	<i>rs</i>		
<i>*rm</i>	<i>rm</i>	<i>m</i>		<i>rm</i>		
<i>*rw</i>	<i>rw</i>	<i>m</i>		<i>rb</i>		
<i>*ps</i>	<i>bs</i>	<i>t'</i>		<i>s</i>		
<i>*pt</i>	<i>bt</i>	<i>t</i>		<i>pt</i>		

Вероятно, упрощение кластеров произошло в энецком относительно недавно: и Г. Ф. Миллер, и М. А. Кастрен последовательно записывают удвоенные согласные на месте ряда кластеров, ср. **ântaj* ‘лодка’ > *oddu* (Г. Ф. Миллер), *óddu* (М. А. Кастрен); **ârka* ‘большой’ > *agga* (Г. Ф. Миллер, М. А. Кастрен). Я благодарю рецензента за указание на то, что двойные согласные на месте кластеров в тундровом энецком фиксировал еще К. И. Лабанаускас во второй половине XX века (см. материалы, опубликованные в [Лабанаускас 2002]).

Такое упрощение фонотактики в энецком языке само по себе странно: географически энецкий занимает центральную позицию в гипотетическом континууме диалектов прасеверносамодийского, так что скорее мы ожидали бы более или менее консервативное развитие. Как кажется, такая радикальная перестройка могла быть спровоцирована «столкновением» в ситуации языкового контакта двух различных морфонологических

¹³ После знака / приводится вариант записи этимологического кластера у Г. Ф. Миллера (материалы XVII в., см., например, в публикации [Donner 1932: 36–50]) и М. А. Кастрена (материалы XIX в. [Castrén 1855]) в том случае, если эти варианты отличаются от современных.

систем — системы языка, уже утратившего чередование (типа ненецкого) и системы языка с чередованием ступеней согласных (нганасанского типа).

Суть нганасанского чередования ступеней (см. [Хелимский 1994: 195–198]) сводится к тому, что ряд одиночных согласных и кластеры вида «гоморганные назальный + шумный» реализуются по-разному в зависимости, во-первых, от четности / нечетности слога (ритмическая градация, ср. реализацию кластера **nt* после нечетного и после четного количества слогов: *ня-нтэ* [друг-GEN.2] ‘твоего друга’ vs. *нюо-тэ* [ребенок-GEN.2] ‘твоего ребенка’), во-вторых, в зависимости от открытости / закрытости слога (слоговая градация, ср. реализацию кластера **nt* перед открытым и перед закрытым слогом в формах вспомогательного отрицательного глагола: *ни-нты ту-?* [NEG-PRAES.S3 прийти-CN] ‘не пришел’ vs. *ни-нды? ту-?* [NEG-PRAES.S3PL прийти-CN] ‘не пришли’).

При утрате чередования ступеней система упрощается за счет обобщения одного из алломорфов корня либо суффикса (как правило, сильноступенного): чередование ступеней имеет уральское происхождение [Хелимский 1995/2000], однако из всех уральских языков оно сохранилось только в прибалтийско-финских (прежде всего в части слоговой градации), саамском и самодийских, причем из самодийских — только в нганасанском и кетском диалекте селькупского.

На наш взгляд, сложнее дело может обстоять именно в том случае, когда язык без чередования ступеней испытывает влияние со стороны родственного языка с чередованием ступеней. Можно предположить, что в ситуации энецко-нганасанского билингвизма носители энецкого (L1) испытывали значительное когнитивное давление, когда в языке L1 не чередуются те же самые кластеры, которые чередуются в «модельном» нганасанском языке (L2). Фонотактическое упрощение интервокальной позиции в энецком могло быть способом разрешить этот конфликт: если из системы устраняется кластер, он перестает отождествляться с таким же кластером нганасанского языка. Этот способ устранения кластеров затем, вероятно, распространился и на нечередующиеся кластеры.

Отметим, что сходный процесс «деназализации» кластеров ск. *mp*, *nt*, *nč*, *ŋt*, *mt*, *ŋk* прошел — достаточно поздно, в XIX–XX вв. — в нижнекетском и верхнеобском селькупском. Это также контактная зона, в которой встречаются два идиома, различающиеся наличием (кетский селькупский) vs. отсутствием (верхнеобский селькупский) чередования ступеней согласных. Для кетского диалекта М. А. Кастрен фиксирует сильноступенные формы следующих кластеров: **nč* (*sündde* ‘нутро’), **nč* (*kondze* ‘корень’), **nt* (*anddu* ‘лодка’), **ŋt* (*aŋdde* ‘лезвие’), **mt* (*amdde* ‘рог’). В северной части верхнеобской диалектной зоны и в нижнекетском имеем деназализованные формы типа верхнеобского *tan ad-dokaŋt* ‘к твоему обласку’ < *tan andokaŋt*, см. [Филиппова 2011: 83].

То, что упрощению кластеров может способствовать также сам факт интенсивных языковых контактов, можно подтвердить более далекой аналогией — историей прауральских кластеров в языках различных ветвей уральской языковой семьи. Кластеры вида «носовой + смычный» подверглись деназализации в трех языках: прапермском, венгерском и (спорадически) в марийском, ср.:

Таблица 5

Интервокальные кластеры в венгерском, прапермском и прамарийском

ПУ	Венгерский	Прапермский	Прамарийский
<i>*mp</i>	<i>*kompa</i> ‘волна’ > <i>hab</i>	<i>*kumpi</i> ‘кочка’ > <i>*gib äd</i>	<i>*lämpi</i> ‘теплый’ > <i>*liwə</i>
<i>*mt</i>	<i>*tumti</i> ‘знать’ > <i>tud</i>	<i>*kamti</i> ‘крышка’ > <i>*kud</i>	(но <i>*kamti</i> ‘крышка’ > <i>*komdəs</i>)
<i>*nt</i>	<i>*jänti</i> ‘тетива’ > <i>ideg</i>	<i>*künti</i> ‘туман, дым’ > <i>*küd</i>	<i>*jänti</i> ‘тетива’ > <i>*jið aŋ</i> (но <i>*kanta</i> ‘нести’ > <i>*kändə-</i>)
<i>*nč</i>	<i>*ponči</i> ‘хвост; ручка’ > <i>far</i>	<i>*ponči</i> ‘хвост; ручка’ > <i>*büž</i>	<i>*künči</i> ‘коготь’ > <i>*küč</i> (но <i>*künčä-</i> ‘царапать’ > <i>*künčə-</i>)

ПУ	Венгерский	Прапермский	Прамарийский
* <i>h̥c</i>	* <i>kuñci</i> ‘моча’ > <i>húgy</i>	* <i>kuñci</i> ‘моча’ > * <i>kűz</i>	* <i>kuñci</i> ‘моча’ > * <i>kűž</i>
* <i>h̥c</i>	* <i>lāñcā</i> ‘овод’ > <i>légy</i>	* <i>lāñcā</i> ‘овод’ > коми <i>lǝž</i>	?
* <i>h̥s</i>	* <i>joŋsi</i> ‘поклон’ > <i>ij</i>	?	?
* <i>h̥k</i>	* <i>jāŋi</i> ‘лед’ > <i>jég</i> (праугорский * <i>h̥k</i> < прауральского * <i>h̥</i>)	* <i>vēŋka</i> ‘ручка’ > * <i>vug</i>	* <i>jāŋkā</i> ‘болото’ > * <i>jāgīr</i> ‘болотистый лес’

Венгерский относится к угорской ветви, прапермский и прамарийский каждый образуют отдельные ветви прафиннопермского языка, то есть в генетическом отношении все эти языки далеки друг от друга, и их не объединяет никакой промежуточный праязык, к которому мы могли бы относить денализацию кластеров как специфическую инновацию. Эти языки объединяет между собой другое — вовлечение в сферу влияния болгарского государства и контакты с носителями языка или языков болгарского типа (см., например, [Напольских 2006/2018] с анализом релевантной литературы). При этом само по себе наличие кластеров тюркской фонотактики не противоречит; таким образом, если и в этом случае связывать упрощение фонотактики в перечисленных уральских языках с языковыми контактами, то в качестве причины такого упрощения мы должны рассматривать не копирование какой-либо конкретной (фонотактической) модели языка L2, а саму контактную ситуацию как таковую. Интересно также обратить внимание на то, что в венгерском упростился целый ряд других прауральских кластеров, ср.: **močki-* ‘мыть’ > *mos-*, **ñičkā-* ‘тянуть’ > *nyes-*, **męksa* ‘печень’ > *máj* (также праперм. **mus*), **ćilmä* ‘глаз’ > *szēm*, **wajŋi* ‘дышать’ > *vágy*, **mälki* ‘грудь’ > *mell* (также прамарийск. **mīl*, праперм. **mel*), **purki* ‘пурга’ > *forr* (также праперм. **pīr-* ‘пуржить’) и т. д. По числу упростившихся кластеров венгерский является «чемпионом» среди финноугорских языков, что составляет резкий контраст даже с генетически наиболее близкими ему мансийским и хантыйским: обско-угорские языки едва ли не самые консервативные среди уральских с точки зрения сохранения консонантных сочетаний. Возможно, это радикальное упрощение кластеров в венгерском было результатом того, что венгерский является «чемпионом» среди финно-угорских языков также и по сложности и интенсивности языковых контактов.

3.2. Утрата назальной протезы

В ненецком и нганасанском в словах, этимологически имевших вокалический анлаут, представлена назальная протеза: *ñ* либо *ŋ*. Условия распределения протетических *ñ* и *ŋ* в обоих языках полностью повторяют условия развития **k*: перед теми гласными, перед которыми в данном языке произошел переход **k* > *s*, употребляется протетический *ñ*, а перед теми гласными, перед которыми в данном языке **k* сохраняется, употребляется протетический *ŋ*¹⁴.

В энецком назальной протезы нет: она, несомненно, была представлена (см. аргументацию ниже), но впоследствии устранена. Протетический *ŋ-* может (не обязательно) сохраняться в энецком в словах, требующих «усиления» фонетической структуры — только в корнях, которые иначе имели бы вид V(VV), ср. т. эн. *ŋa*, л. эн. *ŋo* ‘нога’ < **āj* (? **aāj*

¹⁴ Возможно, протетическим назальным исходно во всех случаях был **ŋ*, который впоследствии был палатализован в **ñ* в тех же контекстах, в которых произошел переход **k* > *s* (напомним, что условия этого перехода различны в северносамодийских языках — как различны и контексты распределения протетических *ŋ* и *ñ*). Для нас не является существенным выбор между двумя

[Janhunen 1977: 17]); т. эн. *ḡaa*, л. эн. *ḡa* ‘погода, бог’, ср. нг. *ḡuo* с тем же значением; т. эн., л. эн. *ḡu* ‘шест’ < **ḡ* [Ibid.: 29]; т. эн. *ḡiio*, л. эн. *ḡii* ‘трава’, ср. т. нен. *ḡit* ‘трава’ и т. д. Что касается протетического *ḡ*, он также был устранен в энецком — за одним исключением: он сохраняется в лесном энецком в словах с анлаутным **a* (U):

- л. эн. *nado* ‘рог’ (при т. эн. *edo*), ср. нг. *ḡamtä* (U), т. нен. *nyamt*;
- л. эн. *nado* ‘лезвие’ (при т. эн. *edo*), ср. нг. *ḡače* (U), т. нен. *nyand*;
- л. эн. *naʔ* ‘рот’ (при т. эн. *eʔ*), ср. нг. *ḡau* (U), т. нен. *nyah*;
- л. эн. *nadoo-* ‘взмолиться’ (при т. эн. *edoo-*), ср. нг. *ḡantämä-* (U), т. нен. *nyant-*;
- л. эн. *nee* ‘тот, другой’ (также т. эн. *ee-* в *eesaa* ‘девять’, ср. л. эн. *neesaa*), ср. нг. *ḡamiy* (U), т. нен. *nyaby*.

Как можно видеть, протетический *ḡ* в лесном энецком в данном случае депалатализован (что и привело к его сохранению, см. ниже о падении анлаутного *ḡ*) — однако это именно протетический *ḡ*, как в ненецком, а не протетический *ḡ*, как в нганасанском. Таким образом, система протетических назальных в энецком совпадала с ненецкой, а не с нганасанской, даже несмотря на то, что рефлексация гласных в этих словах в лесном энецком зависит от гармонии, как в нганасанском (то есть мы имеем наложение адстратных характеристик на субстратные).

Депалатализация протетического *ḡ* в энецком скоррелирована с депалатализацией **ḡ*. В энецком **ḡ* депалатализуется перед заднерядными гласными, например: т. эн. *naba* ‘заяц’ (в л. эн. *naba* — очевидно, под вторичным влиянием ненецкого) < **ḡāḡā*; эн. *niga* ‘тальник’ < **ḡerka* и т. д. Перед этимологическими передними гласными палатальность *ḡ* (и протетического, и этимологического) сохраняется. Хронологически после депалатализации *ḡ* в энецком произошло устранение назальной протезы (*ḡ* и *ḡ*); вместе с протетическим *ḡ* в энецком отпал также **ḡ* перед теми гласными, перед которыми он сохранял палатализацию (сохранение депалатализованного протетического *ḡ* в лесном энецком в словах типа л. эн. *nado* ‘рог’ < *nado* < **āntā* свидетельствует о том, что исконно назальная протеза была характерна и для энецкого):

Таблица 6

Устранение *ḡ* (протетического и этимологического) в энецком

	ПСС	Энецкий	Ненецкий	Нганасанский
Протетический <i>ḡ</i>	<i>*āḡā</i> (I) ‘мать’	<i>ee</i>	<i>nyebuḡa</i>	<i>немы</i>
Этимологический <i>*ḡ</i>	<i>*ḡārä-</i> (I) ‘передняя часть’	т. эн. <i>ere-</i> , т. эн., л. эн. <i>oro-</i>	<i>nyer°-</i>	<i>нерä-</i>
	<i>*ḡensä-</i> ‘скользить’	т. эн. <i>ed’u-ir-</i> , л. эн. <i>esu-ir-</i>	<i>nyensä-r-</i>	<i>нянсю-</i>

Одним из возможных объяснений устранения назальной протезы в энецком, возможно, являются вторичные контакты с нганасанским: система назальных протез, совпадающая с адстратной ненецкой, отличалась от системы, представленной в нганасанском (см. таблицу 7), так что восстановление вокалического анлаута может рассматриваться как способ устранить конфликт двух систем, убрав те согласные в анлауте, которые не совпадают в энецкой и нганасанской системах¹⁵.

моделями возникновения назальной протезы: с двумя назальными **ḡ* и **ḡ* или с одним назальным **ḡ*, палатализованным в *ḡ* в ряде контекстов.

¹⁵ Этому способствует то, что в ненецких диалектах протетический назальный также может в редких случаях устраняться (см., например, слова с вокалическим анлаутом в словаре [Lehtisalo 1956]), так что в определенном смысле эти фонемы, вероятно, отличались от полноценного

Таблица 7

Протетические назальные ненецкого и нганасанского

	Нганасанский	Тундровый ненецкий
* <i>â</i>		<i>ŋ</i>
* <i>a</i> (U)	<i>ŋ</i>	<i>ń</i>
* <i>a</i> (I)		<i>ń</i>
* <i>ä</i> (U)	<i>ŋ</i>	<i>ń</i>
* <i>ä</i> (I)		<i>ń</i>
* <i>ɛ</i>		<i>ŋ</i>
* <i>e</i>		<i>ń</i>
* <i>i</i>		<i>ń</i>
* <i>ĩ</i>		<i>ŋ</i>
* <i>o</i>		<i>ŋ</i>
* <i>u</i>		<i>ŋ</i>
* <i>ü</i>	<i>ŋ</i>	<i>ń</i>
* <i>ǣ</i> // <i>ǥ</i>		<i>ŋ</i>

Возможно, однако, что устранение назальной протезы вызвано и внутренними причинами: нельзя игнорировать тот факт, что конфликт между системами есть только в трех историко-фонетических контекстах из тринадцати рассмотренных в таблице 7, и, напротив, в одном из случаев, где такой конфликт есть, — ср. т. нен. *пуо*, нг. *ɲua* ‘дверь’ — энецкий сохранил протезу, ср. *n* в лесном (*no* из более раннего *ńo*) и *ŋ* в тундровом (*ɲia*). Поскольку форма в лесном энецком при этом прошла через депалатализацию начального *ń*, она, вероятно, не может быть отнесена к недавним заимствованиям (хотя депалатализацию в данном случае можно было бы объяснить и вторичным выравниванием при заимствовании: в энецком слов на *ńo* нет). Я благодарю рецензента, указавшего мне на возможные трудности интерпретации устранения назальной протезы как контактно обусловленного явления.

3.3. Палатализация согласных в энецком

Вторичными контактами с нганасанским, вероятно, можно объяснить и условия еще более позднего процесса — палатализации согласных в энецком. Для датировки этого процесса существенно, что мы можем показать, что в период устранения назальной протезы в энецком согласные перед передними гласными не палатализировались: **n* (непалатальный) перед передними гласными в этот период в энецком не совпал с **ń*, то есть в энецком **n* не отпадает перед передними гласными (в отличие от **ń* и протетического *ń*), ср.: **nim* ~ **nim* ‘имя’ > совр. т. эн. *niĩ*? (не **iĩ*?).

Влияние нганасанского на процесс палатализации согласных в энецком можно видеть в двух моментах. Во-первых, в энецком, как и в нганасанском, палатализируются только дентальные согласные *t*, *n*, *s*, *l* (в ненецком палатализируются все). Таким образом, инвентарь согласных фонем в энецком ближе к нганасанскому, чем к ненецкому. Во-вторых, важно проинтерпретировать следующую ситуацию: как уже говорилось выше, **a* и **ä*

консонантного анлаута менее тесной связью с корнем (скорее с точки зрения внутрисистемной, нежели собственно фонетической).

исторически ведут себя в энецком как передние гласные — как в ненецком: перед ними происходит переход **k > s* и употребляется протетический *ń* (правда, депалатализирующийся в л. эн. перед **a* (U)). Однако в современном энецком дентальные перед этими гласными не палатализируются.

Таблица 8

Палатализация согласных в северносамодийских языках: примеры¹⁶

П(С)С	Нганасанский	Энецкий	Тундровый ненецкий
<i>*a</i> (U)	<i>*tanājw</i> ‘мало’	<i>tan^aa</i>	<i>tɥanyo</i>
<i>*a</i> (I)	<i>*tajbā</i> ‘брюхо’	<i>t^ʰajbā</i>	<i>tyɥw^o</i>
<i>*ä</i> (U)	<i>*säñkå</i> ‘колокольчик’	<i>sañku</i>	<i>syɥɛŋka</i>
<i>*ä</i> (I)	<i>*tānā-</i> ‘знать’	<i>t^ʰenɟ-</i>	<i>tyɛnye-</i>
<i>*i</i>	<i>*tirāmā</i> ‘рыбья икра’	<i>t^ʰirimi</i>	<i>tyɥryɛbya</i>
<i>*e</i>	<i>*tetä</i> ‘дядя, младший брат матери’	<i>tɥtɥd^ʰa</i>	<i>tyidyɥa</i>
<i>*ü</i>	<i>*tūro</i> ‘посох’	<i>t^ʰirə</i>	<i>tyur^o</i>

Таблица 9

Палатализация согласных в северносамодийских языках: обобщение¹⁷

П(С)С	Нганасанский	Энецкий	Тундровый ненецкий
<i>*a</i> (U)	НП		
<i>*a</i> (I)	П	НП	П
<i>*ä</i> (U)	НП		
<i>*ä</i> (I)	П	НП	П
<i>*i</i>		П	
<i>*e</i>	НП		П
<i>*ü</i>		П	

Дентальные, таким образом, палатализируются в энецком только перед **i* (а также перед совпавшим с ним в ненецком и энецком **e*) и перед **ü*. При этом в энецком максимально упрощена та зона, в которой нганасанский устроен сложнее, чем ненецкий: ненецкому *C'e* (< **ä*) могут соответствовать и нг. *C'e*, и нг. *Ca*, ненецкому *C'a* (< **a*) — и нг. *C'a*, и нг. *Ca*. В энецком — единственном — не только совпадают рефлексy **a* и **ä*, но и согласные перед ними не палатализируются (поскольку в нганасанском рефлексy этих гласных могут и палатализовать, и не палатализовать согласные).

3.4. Выводы

Итак, можно предложить единообразное объяснение причин возникновения в энецком языке основных инноваций в сфере фонетики, отличающих энецкий как от ненецкого,

¹⁶ В таблицy внесены только те гласные, перед которыми согласный палатализуется хотя бы в одном из языков.

¹⁷ Обозначения в таблицe: НП — непалатализованный, П — палатализованный.

так и от нганасанского. Фонетическая система энецкого изначально, как мы предполагаем, была в целом близка к ненецкой (в результате перехода с языка типа нганасанского на язык типа ненецкого). Затем в какой-то период энецкий вошел в ситуацию сильного вторичного контакта с нганасанским, в которой нганасанский выступал как «модельный» язык-донор, а энецкий — как язык-реципиент. Эта контактная ситуация спровоцировала возникновение ряда инноваций в тех случаях, в которых система нганасанского оказалась сложнее системы «ненецкого типа». При этом все эти инновации имеют один общий вектор: радикальное упрощение фрагментов энецкой системы, ведущее к их максимальному расподоблению с соответствующими более сложно устроенными фрагментами нганасанской системы¹⁸. Важно еще раз подчеркнуть, что относительная датировка этих инноваций, то есть отнесение их к периоду вторичного контакта энецкого и нганасанского, а не к более раннему периоду перехода с языка типа нганасанского на язык типа ненецкого, основано на следующем соображении. Причиной этих инноваций, на наш взгляд, является именно устранение ряда «проблемных» соответствий при столкновении более простой системы (ненецко-энецкого типа) с более сложной системой (нганасанского типа), в ситуации же перехода, напротив, более сложная система заменялась более простой, так что все перечисленные фонологические контексты потенциальной проблемы в этом случае не создавали бы. Эти вторичные контакты (как и первичные) относились к общеэнецкой эпохе, то есть затронули и будущий лесной, и будущий тундровый энецкий (сепаратные контакты тундрового энецкого с нганасанским в статье не рассматриваются).

К объяснению, апеллирующему к ситуации языковых контактов, нас подталкивает и более общее соображение: энецкий занимает центральное положение в континууме близкородственных языков¹⁹, где ожидалась бы скорее консервация языковых явлений, так что значительные изменения в сфере исторической фонетики вряд ли можно объяснить исключительно внутривидовыми соображениями.

¹⁸ Здесь в качестве аналогии можно привести анализ результата контактов родственных идиомов, предложенный Ю. К. Кузьменко: «Появление германо-кельтско-италийской просодической изоглоссы (фиксация ударения на корне. — *A.V.*) можно представить себе и как явление, связанное с контактами родственных языков германского, италийского и кельтского (до Первого перебоя и закона Вернера, и до многих других германских изменений), когда протогерманский, протоиталийский и протокельтский еще не слишком отличались друг от друга. Модель их контактов могла бы соответствовать модели, предложенной для объяснения редукции флексий в английском языке, которая по Есперсену была предопределена сходством корней и несходством окончаний в древнеанглийском и скандинавском в эпоху датского завоевания Англии. Причем эти контакты предопределили даже не столько редукцию окончаний, сколько выделение корневой морфемы. Типологически сходный процесс выделения корня при контакте родственных языков со сходными корнями был характерен и для южнодатско-северофризско-нижненемецкой контактной зоны на юге Ютландии [Кузьменко 1995]. Можно предположить, что подобные процессы происходили и при германо-итало-кельтских контактах в то время, когда многие корни сохраняли сходство, так что была возможна семикоммуникация» [Кузьменко 2011: 43]. В данном случае интересно обратить внимание на выделенную тенденцию: при семикоммуникации носителей родственных языков сохраняются сходные элементы системы и устраняются различные. Именно с проявлением этой тенденции, как кажется, можно связать возникновение собственно энецких историко-фонологических инноваций — максимального упрощения тех фрагментов системы, в которой нганасанский устроен сложнее, чем ненецкий (и наследующий ему энецкий). Это именно те случаи, когда различие в системах наиболее очевидно: с одной стороны, системы (до возникновения инноваций) достаточно схожи, чтобы между ними было возможно отождествление, с другой стороны, из-за принципиально более высокой сложности нганасанской системы в этих случаях полное отождествление (в частности, за счет «пересчета» между системами) невозможно.

¹⁹ Это положение центрально географически, но не лингвистически: центром зарождения и распространения инноваций энецкий не мог быть в силу малого числа говорящих.

Интересно также отметить, что М. А. Кастрен фиксировал для энецкого переход анлаутного $*p > f$, аналогично нганасанскому того периода (в современном нганасанском произошел дальнейший переход $*p > f > h$). В современном энецком f возможен как маргинальный вариант, но основным является p — как в ненецком. Это, в частности, еще раз подтверждает, что энецкий — вероятно, в силу географически центрального положения и одновременно малочисленности носителей — на протяжении всей своей истории испытывал влияние соседних идиомов: нганасанского и ненецкого. Причем в силу экстралингвистических причин он дрейфовал между этими двумя центрами притяжения, что могло менять вектор развития отдельных фрагментов энецкой языковой системы.

4. Морфонологические субстратные явления

В энецком и нганасанском представлено фонетически немотивированное развитие ряда непродуктивных суффиксов с перфективным значением, оканчивающихся согласным, ср. материал в таблице 10. Прибавление гласного после этих суффиксов (по крайней мере два из них являются общесамодийскими) не мотивировано законами исторической фонетики ни для нганасанского, ни для энецкого. Кроме того, не каждый суффикс такой фонетической структуры развивается так в нганасанском и энецком: ни имперфективный $*-r$ (эн. $d'adu-r-$, нг. $d\acute{e}z\ddot{y}-p-$ ‘ходить’), ни суффикс $*-m$, образующий отыменные глаголы с инцептивным значением (эн. $d'eri-m-$, нг. $d\acute{y}ala-m-$ ‘рассвести’), так себя не ведут.

Таблица 10

Исторически немотивированное развитие ряда непродуктивных суффиксов
 $*(CI)C- > (CI)C\acute{a}-$ в энецком и нганасанском

Суффикс	Значение	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский
$*-k\acute{a}r$ ‘семельфактив’	‘проникнуть; зайти (о солнце)’	$p\acute{a}k\acute{a}l-$	$pokoro-$	$hok\acute{a}l\acute{a}-$
	‘дернуть’	$nek\acute{a}l-$	$nekoro-$	$ny\acute{a}k\acute{a}l\acute{a}-$
$*-r$ ‘перфектив’	‘запрячь’	$podyer-$	$podaro-$	$xutur\acute{a}-$
	‘обтесать’	$syab\acute{a}r-$	$seboro-$	—
	‘ободрать’	$x\acute{a}b\acute{a}r-$	—	$k\acute{a}x\acute{a}r\acute{a}-$
$*-l$ ‘инхоатив’	‘начать ходить’	$yad\acute{a}l-$	$d'adu\acute{r}o-$	$d\acute{e}z\ddot{y}l\acute{a}-$
	‘начать жить’	$yilyel-$	$irero-$	$nylyl\acute{e}-$
$*-m$ ‘моментатив’	‘взмолиться’	$nyan\acute{a}t-$	$edoo-$	$yan\acute{t}\acute{a}m\acute{a}-$
	‘взглянуть; заметить’	$x\acute{a}ed\acute{a}-m-$	$ki\acute{d}o-o-$	$k\acute{a}chem\acute{a}-$

5. Именное словообразование: субстратные явления

В таблице 11 представлены диминутивные показатели северносамодийских языков²⁰.

²⁰ Их алломорфы обсуждались в разделе 2.3 выше.

Таблица 11

Диминутивные показатели северносамодийских языков

ПСС	Нганасанский	Тундровый ненецкий	Энецкий
*-jeŋ ^o ko	-AŋKU ₀ диндаŋку 'лучок' (оружие)	-yeko myadyeko 'чумик'	-iku buŋiku 'собачка', tiŋiku 'жилка'
*-jeŋko	-AŋKU ₀ мазанку 'чумик'	—	-igu meŋigu 'чумик' < meŋ 'чум' bexirigu 'сопочка' < bexiŋ (ŋ < r) 'сопка'
		-ko sirako 'снежок' < sira 'снег'	-ku siraku 'снежок' < sira 'снег'

Энецкий непродуктивный диминутивный показатель -igu (~ -id'u) является общесамодийским, ср. диминутив от слова *mât 'чум': нг. *мазанку*, т. эн. *meŋigu*, ск. *māduŋga* 'чумик'. Показательно, что в энецком (как в нганасанском) этот суффикс в качестве непродуктивного сохраняется, тогда как в ненецком нет ни следа данного показателя. Характеристика, объединяющая энецкий с нганасанским, может рассматриваться только как архаизм, но не как вторичное контактное влияние (в энецком этот суффикс, во-первых, непродуктивен, во-вторых, имеет сложное и архаичное распределение алломорфов, обсуждавшееся выше). Теоретически, конечно, можно было бы говорить и о независимом сохранении унаследованного от праязыка суффикса, но совокупность рассмотренных явлений, как кажется, делает более логичной трактовку этого совпадения между нганасанским и энецком в рамках модели смены языка, предложенной в данной статье.

6. Именное словообразование: вторичное влияние нганасанского

Слова, содержащие атрибутивный показатель *-jâ, демонстрируют в энецком двоякое фонетическое развитие последовательностей *-V-jâ. Эта последовательность развивается в одиночный гласный прежде всего в составных суффиксальных морфемах, ср. показатели пассивного перфективного причастия *-mâ-jâ > эн. -i, т. нен. -wi^o, нг. -мээ или суффикс порядковых числительных (родственный имперфективному причастию) *-ntâ-jâ, например, в эн. *пехо-de*, т. нен. *пуах^oрэм-tey^o*, нг. *нагэм-туо* 'третий'. Можно видеть, что эта монофтонгизация в целом повторяет ненецкую модель: во-первых, изменения гласных перед атрибутивным суффиксом (*â > i, *â > e) совпадают в этих двух языках, во-вторых, в ненецком эти последовательности также монофтонгизированы (последний гласный в абсолютном ауслауте редуцируется, а при словоизменении вообще отпадает).

Одиночный гласный выступает в энецком также при утрате атрибутивным суффиксом статуса отдельной морфемы, то есть в лексикализовавшихся формах. Это незначительное количество старых субстантивированных производных типа *baŋi* 'замена' от *baŋa* 'место' или *sire* 'двухгодовалая важенька' от *sira* 'зима'.

Напротив, *-V-jâ сохраняется в энецком в виде вокалической последовательности в том случае, если морфема *-jâ, прибавляясь непосредственно к основе, сохраняет атрибутивное значение, ср.:

т. эн. *baroo* 'крайний; край, берег', ср. т. нен. *wari^o* 'крайний' и нг. *бэрээ* 'берег', производные от т. эн. *baro*, т. нен. *war*, нг. *бэрэ* 'берег, край';

т. эн. *ud'aa*, л. эн. *osae* ‘много кушающий, ненасытный’; т. нен. *ḡatseyo* ‘отечный, нездорово полный (о человеке)’, нг. *ḡamsyo* ‘мясной’ — все три слова являются семантически разошедшимися производными от слова т. эн. *ud'a*, л. эн. *osa*, т. нен. *ḡatca*, нг. *ḡamsy* ‘еда’;

т. эн. *d'erio*, т. нен. *yalyeyo*, нг. *ḡalya* ‘дневной’ производны от т. эн. *d'ere*, т. нен. *yalya*, нг. *ḡalya* ‘день’.

Итак, в том случае, когда атрибутивный суффикс имеет отчетливую словообразовательную функцию, рефлексация в энецком следует нганасанскому типу, с сохранением вокалической последовательности. Определенно более старыми выглядят морфологические контексты, где атрибутивный суффикс уже утратил статус отдельного словообразовательного показателя и где рефлексом является одиночный гласный. Соответственно, в развитии модели с вокалической последовательностью мы можем видеть вторичное влияние нганасанского: резаймствование атрибутивного суффикса (который в нганасанском является совершенно продуктивным показателем) с сохранением его нганасанских морфонологических особенностей.

7. Именное словоизменение: субстратное влияние нганасанского

В именном склонении интересно рассмотреть различия в образовании форм локативных падежей во множественном числе (отражающее как субстратное, так и вторичное влияние).

Показатели локативных падежей в северносамодийских языках состоят из коаффикса **-kâ* (> нен. *-xâ*, эн. *-xo*, нг. *-Kə*) либо **-ntâ* (> нен. *-nâ*, эн. *-do*, нг. *-NTə*) и показателя собственно локативного падежа уральского происхождения (LAT **-ŋ*, LOC **-nâ*, EL **-tâ*):

LAT.SG **-ntâ-ŋ* > т. нен. *-nâ-h*, т. эн. *do-ʔ*, нг. *-NTə-ʔ*;

LOC.SG **-kâ-nâ* > т. нен. *-xâ-na*, т. эн. *-xo-ne*; **-ntâ-nâ* > нг. *-NTə-NU*.

Множественное число в формах локативных падежей маркируется в позиции после коаффикса: **коаффикс + *-jt + показатель локативного падежа*, ср. формы LOC.SG и LOC.PL:

Таблица 12

Образование показателей локативных падежей множественного числа
в северносамодийских языках: пример

	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский
LOC.SG	<i>*-kâ-nâ</i> >		<i>*-ntâ-nâ</i> >
	<i>-xâ-na</i>	<i>-xo-ne</i>	<i>-NTə-NU</i>
LOC.PL	<i>*-kâ-jt-nâ</i> >		<i>*-ntâ-jt-nâ</i> >
	<i>-xâ-q-na</i>	<i>-xi-ne</i>	<i>-NT^C-NU</i>

В энецком представлен отклоняющийся от этой модели показатель латива множественного числа *-xiḡo*:

Если бы в энецком показатель LAT.PL развивался из праформы **-kâ-jt-ŋ* (как в ненецком), этимологически корректной была бы форма *-xiʔ* (соответствующая т. нен. *-xâq*), и она, скорее всего, сохранилась бы в энецком. Однако, если форма латива была адаптирована энецким из адстратной системы ненецкого типа (при переходе с языка типа нганасанского, где в лативе используется другой коаффикс!), возможно, препятствием для ее освоения послужила морфологическая нечленимость этой формы в ненецком: в силу

Таблица 13

Латив множественного числа в северносамодийских языках

	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский
LAT.SG	-nə-h	*-ntə-η > -do-ʔ	-NTə- ^c
LAT.PL	*-kə-ʃt-η > -xəq	??? -xiɖo	*-ntə-ʃt-η > -NTIʔ

законов исторической фонетики в этой форме не представлен показатель латива т. нен. -h (< *-η). Поэтому, вероятно, при освоении этой формы к ней был прибавлен плеонастический показатель собственно латива *-η: протоэн. *-kit (соответствует т. нен. -xəq) + *η > *-kit-ə-η > протоэн. *-kido-ʔ > эн. -xiɖoʔ > эн. -xiɖo.

8. Именное словоизменение: вторичное влияние нганасанского

Ряд других изменений в субпарадигме локативных падежей множественного числа в энецком можно объяснить, напротив, вторичным влиянием нганасанского.

Как видно из таблиц 12 и 13 выше, на синхронном уровне падежные показатели мн. ч. отличаются в энецком и нганасанском от показателей соответствующих падежей единственного числа изменением гласного в коаффиксе. При этом в нганасанском наряду со стандартным показателем EL.PL -KⁱcTə (соотв. т. нен. -xə-tə из *-xə-q-tə, т. эн. -xito) непритяжательного склонения представлены показатели нг. -KⁱcTIʔ (в непритяжательном склонении) и нг. -KⁱcTI^c (в притяжательном склонении, где это единственный вариант). В этих показателях множественное число маркируется дважды: после коаффикса и после падежного показателя, что на синхронном уровне легко определить по изменению качества гласного. В нганасанском основанием для развития таких форм аблатива могла послужить чисто формальная аналогия с показателем латива мн. ч., ср. формы притяжательного склонения с показателем 1SG от слова *kuhu* 'шкура' в таблице 14. Как можно видеть из сопоставления приведенных ниже словоформ, при различии глубинно-морфологического представления (и этимологии стоящих за ним показателей) на фонологическом уровне в этих формах перед притяжательным показателем в единственном числе выступает сегмент *tə*, во множественном — сегмент */ti/*:

Таблица 14

Формы латива и аблатива притяжательного склонения с показателем 1SG нг. *kuhu* 'шкура'

Форма	Фонологическое представление	Морфофонологическое представление
LAT.SG-1SG	<i>kubutəna</i>	< KUHU-NTə-Nə
LAT.PL-1SG	<i>kubutina</i>	< KUHU-NTI ^c -Nə
EL.SG-1SG	<i>kuhugətəna</i>	< KUHU-Kə ^c Tə-Nə
EL.PL-1SG	<i>kuhugitina</i>	< KUHU-KI ^c TI ^c -Nə-

В энецком также есть аналогические формы с двойным маркированием множественного числа в притяжательной парадигме (то есть с перегласовкой гласного непосредственно

перед притяжательным показателем). В энецком они представлены в парадигме более широко — это не только аблатив (эн. *-xiti*, в точности соответствующий нганасанскому), но также и локатив и пролатив. Так, в записях М. А. Кастрена в притяжательном склонении представлены показатели LOC.PL *-xini* и PROL.PL *-oni* / *-ini*. В лесном энецком такие показатели сохранились до настоящего времени — во всяком случае, этот вариант в притяжательном склонении является наиболее частотным в текстах на лесном энецком в [Сорокина, Болина 2005]. В энецком появление таких форм внутренними причинами (аналогическим выравниванием внутри парадигмы) объяснить невозможно. Вероятнее, что это вторичная адаптация двойного маркирования из нганасанских форм аблатива и латива с дальнейшим распространением на другие энецкие падежи.

Интересно обратить внимание на еще одну исторически аналогическую форму парадигмы именного склонения в энецком. Форма пролатива с показателем **-tānā* имеет позднее, послеложное происхождение. В записях М. А. Кастрена в энецком показатель пролатива мн. ч. имеет два варианта: для непритяжательного склонения *-mone* и *-mine*, для притяжательного — *-moni* и *-mini*. Нас в данном случае будет интересовать гласный первого слога в показателях *-mine* и *-mini*. При сравнении этих вариантов показателя пролатива мн. ч. с этимологически корректным *-mone* очевидно, что в энецком первая часть двусложного показателя пролатива была реинтерпретирована — по аналогии с первой частью двусложных показателей локатива и аблатива — как коаффикс, после которого требуется присоединение показателя мн. ч., ср.:

Таблица 15

**Реинтерпретация показателя пролатива мн. ч.
по аналогии с показателями локатива и аблатива мн. ч. в энецком
(непритяжательное склонение)**

	SG	PL
LOC	<i>-xone</i>	<i>-xine</i>
EL	<i>-xodo</i>	<i>-xito</i>
Аналогический пролатив	<i>-mone</i>	<i>-mine</i>

Итак, в парадигме именного склонения мн. ч. именно для энецкого мы находим наибольшее число исторически немотивированных аналогических изменений (двойное маркирование мн. ч. в притяжательном склонении, реинтерпретация первой части пролативного показателя как коаффикса). Двойное маркирование мн. ч. в притяжательном склонении можно достаточно уверенно объяснить вторичным влиянием нганасанского. В целом же аномально большое — в сравнении с ненецким и нганасанским — число исторически немотивированных аналогических изменений в парадигме, приводящих к усилению маркированности грамматических значений, можно, вероятно, рассматривать как результат языковых контактов.

Интересно, что устранение таких аналогических форм в тундровом энецком (где сейчас имеем LOC.PL в притяжательной парадигме *-xine*, а не *-xini*, PROL.PL *-mone*, а не *-moni* или *-mini*) совпадает по времени с устранением возникшего под нганасанским влиянием перехода **p > f* за счет восстановления *p*. То есть эти скоррелированные во времени признаки преодоления вторичного нганасанского влияния, вероятно, совпадают с более активным развитием энецко-ненецкого билингвизма. Иначе говоря, происходит очередная смена центра притяжения в истории развития энецкого (о реконструкции мульти- и билингвизма на Нижнем Енисее см. [Khanina 2021]).

9. Глагольное словообразование: субстратное влияние нганасанского

9.1. Деривационные суффиксы образных глаголов

Особенностью образных глаголов в самодийских языках является то, что они обладают собственным репертуаром деривационных морфем (для ненецкого эти показатели подробно описаны в [Урманчиева 2020], здесь приведем информацию о релевантных для нас показателях).

В энецком представлены имперфективные образные глаголы с суффиксом *-na*. Они имеют соотносимые каузативы (*-na* заменяется на *-nta*) и производные от этих каузативов стативно-декаузативные глаголы с суффиксом *-nti*:

kirana- ‘орать, визжать’, *kiranta*- ‘довести до плача’, *kiranti*- ‘плакать после того, как раздразнили’;

sesana- ‘шелестеть, шуршать’, *sesanti*- ‘бренчать, позвякивать’;

tôjana- ‘быть твердым, жестким’, *toĵanta*- ‘делать твердым’;

tujana- ‘стучать’, *tujanta*- ‘заставлять издавать стук’, *tujanti*- ‘издавать стук’;

d’irana- ‘пищать’, *d’iranta*- скрипеть’, *d’iranti*- ‘издавать скрип’.

Часть из этих глаголов имеет корреляты в ненецком — но как с суффиксом *-ə-nə* (*ses-ə-nə* ‘шуршать’, *yir-ə-nə* ‘скрипеть, пищать’), так и с суффиксом *-na ~ -ana ~ -yena* (*toy-ena* ‘быть твердым’), некоторые соотносимых глаголов не имеют. При этом между ненецким и энецким нерегулярны соответствия гласных не только в суффиксе, но и в предшествующей суффиксу гласной второго слога, что говорит о вторичном характере таких соответствий.

Каузативы на *-nta* (и соотносимые с ними стативно-декаузативные производные глаголы на *-nti*) также являются в энецком поздними вторичными образованиями: для энецкого не характерно ни синкопирование гласного перед каузативным суффиксом, ни тем более кластер *nt*. Такое количество фонетических, морфологических и морфонологических нерегулярностей говорит о том, что в энецком эта группа образных глаголов имеет позднее происхождение.

В энецком и нганасанском у ряда образных основ находим словообразовательные гнезда с суффиксами нг. *-^cTU*, эн. *-da* (непереходные имперфективы), нг. *-MÛS*, эн. *-us* (инцептивы) и нг. *-MƏBTU*, эн. *-ota* (каузативы с инцептивным значением).

Таблица 16

Словообразовательные гнезда образных глаголов в нганасанском и энецком

Праформа суффикса	Нганасанский	Энецкий
*-ntā	<i>-^cTU</i> дяба?туса ‘краснеть; быть красным’	<i>-da</i> d’areda- ‘стоять наклонно’
*-mus	<i>-MÛS</i> дяба?мұса ‘покраснеть’	<i>-us</i> d’areus- ‘стать на бок’ naguus- ‘стать красным’
*-məbtā	<i>-MƏBTU</i> дяба?мəбтудя ‘сделать красным; покраснеть’	<i>-ota</i> d’areota- ‘поставить на бок’ naguota- ‘сделать красным’

Таким образом, в энецком сосуществуют две системы суффиксации образных глаголов: одна — по многим признакам достаточно инновационная — находит параллели в системе

суффиксации образных глаголов ненецкого языка (т. нен. имперфективы с суффиксами *-nə* и *-na* ~ *-ana* ~ *-yena*), вторая же полностью изоморфна подсистеме аспектуальных суффиксов образных глаголов нганасанского языка.

9.2. Деривационные суффиксы необразных глаголов

В глаголах, не относящихся к группе образных, большинство аспектуальных суффиксов в трех северносамодийских языках совпадает, однако некоторые различия есть как в наборе аспектуальных суффиксов, так и в употреблении и продуктивности совпадающих маркеров.

Разительнее всего различия в сфере показателей дуратива (имперфектива). У непереходных глаголов во всех трех северносамодийских языках используется общесамодийский показатель **-ntā*, ср. т. нен. *ηom-tə-*, эн. *ηoō-do-*, нг. *ηuom-tə-* ‘собираться, объединяться’. В ненецком, однако, более продуктивен показатель **-ηkă*, который отсутствует как в энецком, так и в нганасанском.

Система имперфективных показателей переходных глаголов в ненецком отличается от систем, представленных в нганасанском и энецком.

В ненецком продуктивен общесамодийский показатель дуратива-результатива т. нен. *-mpə* < **-mpaw* (соотв. эн. *-be*). Присоединяясь к глагольным основам с переходной семантикой, он сохраняет их модель управления. В нганасанском этого показателя нет, в энецком он не употребляется при переходных глаголах. У непереходных глаголов этот суффикс непродуктивен как в ненецком, так и в энецком, в нганасанском он отсутствует. В ненецком общесамодийский показатель имперфектива т. нен. *-nə* < **-ntā* (эн. *-do*, нг. *-NTƏ*) при присоединении к переходным глаголам блокирует возможность выражения прямого дополнения, хотя глагол и сохраняет семантику переходной ситуации.

Покажем на примерах употребление этих суффиксов в ненецком. Рассмотрим два примера с глаголом *təwa-* ‘принести, притащить’: (1) *t'ĩββan niññe n'allođā tūēββā-bi-n* [притащить-DUR.AOR-OP1] ‘я тащу их, ползя на животе’ [Lehtisalo 1956: 294b] и (2) *pākkoĩse dāββa-nā* [притащить-IPFV.AOR.S3], *lēkkoĩse maiōrā* ‘палочка несет, косточка режет’ (загадка про ложку и зубы) [Ibid.: 231a]. В первом примере глагол оформлен суффиксом *-mpə* (в данном случае *bi*) и имеет прямое дополнение, выраженное формой объектного спряжения, во втором примере глагол оформлен суффиксом т. нен. *-nə* (в данном случае *-nā*) < **-ntā* и прямого дополнения при себе не предполагает. В энецком и нганасанском суффиксы эн. *-do*, нг. *-NTƏ* не оказывают влияния на модель управления глагола.

Еще один имперфективный показатель т. нен. *-ηko* < **-ηkoj* (эн. *-gu*) со значением ‘заниматься чем-л.’ в ненецком ведет себя так же, как *-nə*: сохраняет семантику переходного действия, но блокирует выражение прямого дополнения: *syurteηko-* ‘обходить, объезжать кругом (неперех.)’ ← *syurte-* ‘обойти, объехать кругом что-л. (перех.)’. В энецком суффикс *-gu* не оказывает влияния на модель управления глагола: *биз моза-га* [принести-DUR.AOR.S3], *пязда моза-га* [принести-DUR.AOR.S3] ‘воду ему носит, дрова ему носит’ [Сорокина, Болина 2005: текст 20, предл. 7].

В нганасанском представлен показатель дуратива нг. *-KUJ* < **-koj*, который также не влияет на модель управления глагола, ср. *сеймы-м-ты дятэбту-гуй-ся* [глаз-АСС-3 направить-DUR-INF] ‘следить за чем-то’ (букв. ‘направлять свой глаз’) (из нганасанских текстов, любезно предоставленных в мое распоряжение В. Ю. Гусевым).

Данные, кратко описанные в тексте и суммированные в таблице 17, свидетельствуют о том, что развитие системы дуративных суффиксов в энецком демонстрирует существенно большую общность с нганасанским, чем с ненецким. Во-первых, в энецком, как и в нганасанском, — но не в ненецком — утрачена продуктивность суффикса **-mpə*. Во-вторых, в ненецком развитие дуративных суффиксов шло таким путем, что близкие по значению

Таблица 17

Дуративы от переходных глаголов в северносамодийских языках

Производные глаголы не меняют модель управления		Производные глаголы имеют значение ‘заниматься чем-л.’ и не присоединяют прямого дополнения	
Ненецкий	<i>*-mpaw</i>	<i>*-ntâ</i>	<i>*-ŋkoj</i>
Энецкий	<i>*-ntâ</i>	<i>*-ŋkoj</i>	
Нганасанский		<i>*-koj</i>	

общесамодийские суффиксы **-mpâ* и **-ntâ* оказались в итоге в значительной степени разведены в зависимости от модели управления как исходного, так и производного глаголов; так же, как **-ntâ*, ведет себя в ненецком **-ŋkoj*. В нганасанском и энецком дуративные суффиксы модель управления глаголов не затрагивают. При этом энецкий показатель дуратива *-gu*, хотя и соответствует материально т. нен. *-ŋko*, является функционально тождественным показателю нг. *-KU_oJ*.

Обратим внимание на то, что в ненецком и энецком, как уже говорилось, в суффиксах в переднерядных основах произошли переходы **t³k > *t³s* и **ŋk > *ns*. В ненецком это чередование сохранилось в формах с диминутивным суффиксом (*vidy-ecyo* ‘водичка’) и с дуративным показателем **-ŋkoj* (*ŋeda-ncyo-* ‘защищаться’), а в энецком переход **ŋk > *ns > эн. d’*, **t³k > *t³s > эн. t’* представлен только в формах с диминутивными показателями (*pi-id’u* ‘горностай’, *bid-id’u* ‘водичка’), архаичность которых мы обсуждали в разделе 5. Ни одной лексикализовавшейся формы с дуративным показателем с таким переходом не найдено. Это также может подтверждать вторичность, инновационность данного показателя в энецком — вероятно, он адаптирован из адстратного языка типа ненецкого, но употребляется по модели субстратного нганасанского показателя (к тому же достаточно близкого фонетически).

Затронем также различия показателей аспектуальных категорий в северносамодийских языках. В показателе хабитуалиса нг. *-MUMHA^c* (*муну-мумба-тум* [сказать-нав-s1sg] ‘я всегда (так) говорю’), эн. *-mobi* (*d’adu-mobi* [ходить-нав.s3sg] ‘постоянно ходит’) выделяется компонент, который, вероятно, исторически является обсуждавшимся выше показателем дуратива **-mpaw*²¹ — в этом случае его исчезновение из репертуара продуктивных глагольных показателей в энецком и нганасанском как раз может объясняться его грамматикализацией в составном показателе хабитуалиса. В ненецком показатель хабитуалиса имеет вид *-syəqtâ*, и этот показатель никак не связан с энецким и нганасанским. Можно предположить, что показатель хабитуалиса в энецком унаследован от субстрата нганасанского типа: если бы он был заимствован из нганасанского в результате вторичных контактов, это вряд ли оказало бы влияние на судьбу дуративного показателя в энецком, однако и в энецком, и в нганасанском утрата дуративного показателя **-mpaw* и возникновение хабитуального показателя могут рассматриваться как взаимосвязанные процессы.

²¹ Показатель дуратива имеет в энецком вид *-be*, показатель хабитуалиса — вид *-mobi*. Разница в гласном (*e* или *i*) объясняется тем, что хабитуалис не входит в лексическую основу глагола, то есть является грамматическим, а не деривационным показателем. Соответственно, в отличие от деривационного дуративного показателя, мы видим его только в составе финитных форм. Как показывает нганасанская форма *муну-мумба-тум* [говорить-нав-s1sg] ‘я всегда (так) говорю’, после хабитуального показателя употребляется показатель какого-либо времени (или наклонения). В энецком наиболее частотная финитная форма — аорист. Эта форма образуется от дуративных глаголов перегазовкой *e → i*: *edebe-* ‘радоваться’ → *edebi-do* [радоваться.aor-s1] ‘радуясь’. Можно предположить, что хабитуальный показатель *-mobi* представляет собой результат грамматикализации такой аористой формы.

10. Глагольное словоизменение: нганасанское субстратное влияние

10.1. Образование аориста

Образование аориста непереходных глаголов в энецком демонстрирует противопоставление нганасанского субстрата и ненецкого адстрата. Аорист — одна из общесамодийских темпоральных форм (предельные глаголы в аористе имеют значение прошедшего времени, неопределённые — настоящего). В энецком форма аориста от непроизводных непереходных глаголов с основами на эн. *o* (< **ə*) и *-a* (< **ā*) образуется двумя способами. Первый способ — неагглютинативный: показатель аориста *-a* (в рефлексивном спряжении *-e*) вытесняет финальный гласный основы: *ado*- ‘сесть’ → AOR.R3 *adeđo?*, *kođa*- ‘лечь спать, уснуть’ → AOR.R3 *kođeđo?*. Второй способ — агглютинативный: вышеназванные показатели прибавляются после финального гласного основы: *koto*- ‘плавать’ → AOR.S1 *kotaado?*, AOR.S3 *kotaa*, *d’ogo*- ‘отделиться’ → AOR.R3 *d’ogoeđo?*.

В словарных материалах, собиравшихся в 1970-е годы Е. А. Хелимским по тундровому энецкому и в 1990-е — нами по лесному энецкому, найдено 28 непереходных глаголов, образующих аорист первым способом, из них 20 имеют соответствие в нганасанском и ненецком, четыре — в ненецком, но не в нганасанском (но три из них, вероятнее всего, общесамодийские), четыре имеют соответствие в нганасанском, но не в ненецком.

Найдено 35 непереходных глаголов, образующих аорист вторым способом, из них 28 имеют соответствие только в ненецком (четыре — общесамодийские), три имеют соответствия в обоих языках, два — только в нганасанском, два не имеют соответствий.

При этом все переходные глаголы на *-a* и *-o* в энецком и все суффиксальные глаголы образуют аорист неагглютинативно: *bata*- ‘вылить’ → S3 *bata*, то есть этот способ образования аориста сохраняет в энецком продуктивность. Также следует отметить, что ни в одном самодийском языке правила образования аориста не различаются для переходных и непереходных глаголов. Почему же в энецком у ряда непереходных глаголов на *-a* и *-o* аорист образуется путем прибавления гласного *-a*? Можно обнаружить вторичную связь этого алломорфа аористного показателя с непереходностью. Агглютинативный алломорф *-a* выступает только в глаголах, в которых этому показателю предшествует узкий гласный: *-i* либо *-u*. При этом в энецком все глаголы на *-u* и подавляющее большинство глаголов на *-i* являются производными глаголами со стативно-декаузативной семантикой:

(*kae*- ‘оставить’ →) *kai*- ‘остаться’ → S3 т. эн., л. эн. *kai-a*;

(*bano*- ‘лечь (об олене)’ →) *banu*- ‘лежать (об олене)’ → S3 т. эн., л. эн. *banu-a*.

Стативно-декаузативные глаголы все — непереходные, таким образом, формируется контекстуальная связь алломорфа аористного показателя *-a* с непереходностью, что, вероятно, и способствует его распространению как аористного показателя в группе непереходных *a*-основ и *o*-основ.

Существенно обратить внимание на то, что в группе непереходных *a*-основ и *o*-основ этот способ образования аориста распространяется прежде всего на глаголы, имеющие параллель в ненецком, но не в нганасанском. То есть аналогическое выравнивание аористой парадигмы непереходных глаголов по парадигме стативно-декаузативных непереходных глаголов сопровождается только «освоение» отсутствовавших в субстратном языке (нганасанского типа) глаголов ненецкого языка и не распространяется на основы, представленные в субстратном языке.

Важно также обратить внимание на случаи, когда глагол является общесамодийским, но отсутствует в нганасанском. Таких случаев пять, и в четырех из них энецкий глагол образует аорист не этимологическим, а аналогическим способом:

tuja- ‘разлиться (о водоеме)’ → AOR.S3 *tujaa*;

pora- ‘сгореть’ → AOR.S3 *porea*;

teka- ‘спрятаться’ → AOR.S1 *tekaado?*;

т. эн. *sôa-*, л. эн. *suja-* ‘родиться’ → AOR.S1 т. эн. *sôaado?*, л. эн. *sujaado?*;

rida- ‘быть похожим’ → AOR.S3 *rida*.

Это возможно объяснить, только если принять гипотезу о смене языка: если бы энецкий эволюционировал независимым образом как один из диалектов северносамодийского праязыка, эти глаголы, сохранившиеся от праязыкового состояния, не сменили бы тип образования аориста. Но, если в период перехода с «языка типа нганасанского» на «язык типа ненецкого» в «языке типа нганасанского» эти глаголы были утрачены, это означает, что в энецком они являются вторичным приобретением и потому образуют аорист аналогическим образом.

10.2. Система причастных форм

Основные причастные формы северносамодийских языков представлены в таблице 18; если показатели являются этимологически тождественными, разделитель в таблице не ставится. Система форм лесного энецкого совпадает с системой тундрового ненецкого, а система форм тундрового энецкого — с системой форм нганасанского.

Таблица 18

Причастия в северносамодийских языках

	Ненецкий	Лесной энецкий	Тундровый энецкий	Нганасанский
Пассивное причастие прошедшего времени	<i>-mi°</i>	<i>-mi ~ i</i>	<i>-mi ~ i</i>	<i>-Məθ</i>
Активное причастие прошедшего времени			<i>-si-i (< -se-i)</i>	<i>-SUə(-D'əθ)</i>
Причастие настоящего времени	<i>-na</i>	<i>-nta</i>	<i>-de</i>	<i>-NTUə</i>
Причастие будущего времени	<i>-manta</i>	<i>-mode</i>	<i>-i'udo</i>	<i>?SUTə</i>

Обсудим различия причастных форм прошедшего времени. В ненецком и лесном энецком общесеверносамодийское причастие с показателем **-mā-jā* (> т. нен. *-mi°*, эн. *-mi*, нг. *-Məθ*) является залогово нейтральным, в тундровом энецком и нганасанском это причастие имеет только пассивное значение, в активном употребляется причастие нг. *-SUə-D'əθ*, эн. *-se-i*. Лексикализовавшиеся формы второго причастия (с показателем т. нен. *-sey°*, соответствующим т. эн. *-se* в *-se-i*, нг. *-SUə* в *-SUə-D'əθ*) при этом обнаруживаются и в ненецком: *temta-sey°* ‘покупка, купленная вещь’, *pya-sey°* ‘пай, доля добычи’ (< *pya-* ‘начать’), *talye-sey°* ‘кража’, *xanye-sey°* ‘добыча’ (< *xanye-* ‘охотиться’), *pire-sey°* ‘варево’. Это означает, что причастие т. нен. *-sey°*, т. эн. *-se*, нг. *-SUə* было равным образом присуще всем трем северносамодийским языкам. Соответственно, система причастных форм прошедшего времени тундрового энецкого и нганасанского более архаична, и устранение показателя т. нен. *-sey°* из системы причастных форм — это собственно ненецкая инновация (вторично распространившаяся на лесной энецкий). Примечательно, что в лесном энецком

таких лексикализовавшихся форм нет, это подтверждает, что система претеритальных причастных форм ненецкого типа в этом языке — вторичное контактное явление: если в ненецком это причастие выходило из употребления постепенно, с сохранением некоторых форм в качестве лексикализовавшихся, в лесном энецком такие формы лексикализироваться, по всей видимости, не успели.

Различия в причастных формах будущего времени можно прокомментировать схожим образом. Во-первых, показатели эн. *-t'udo*, нг. *-ʔSUTə* (< **-tʰ-psutə*) имеют общесамодийское происхождение, ср. селькупское дебитивное причастие *-psotəl'*, тогда как показатели т. нен. *-manta*, л. эн. *-mode* не имеют когнатов в других языках. Во-вторых, в тундровом ненецком есть лексикализовавшиеся формы *ɲædabcod*²⁰ ‘то, во что можно выстрелить, цель’, *pyiryebcod*²¹ ‘то, что предназначено для варевa’, *xayebcod*²² ‘то, что уезжающему следует оставить на память тем, кто остается’, *xetʰbcod*²³ ‘то, что следует сказать’ и т. п. В-третьих, подобных лексикализовавшихся форм в лесном энецком не обнаружено. Эти факты позволяют нам выстроить ту же цепочку рассуждений, что и для претеритального причастия: система, представленная в тундровом энецком и нганасанском, более архаична, появление причастия на *-manta* в тундровом ненецком — собственно ненецкая инновация, энецкий не затронувшая, появление этого причастия в лесном энецком имеет вторичную контактную природу.

10.3. Эвиденциальный показатель инферентива-репортатива

В ненецком представлена единая инферентивно-репортативная форма с показателем *-wi*²⁴, восходящая к перфективному причастию. В энецком также представлена форма с инферентивно-репортативным значением, но ее показатель *-bi* не соответствует ненецкому. В нганасанском семантические оппозиции внутри эвиденциальной зоны устроены иначе: в нганасанском есть специализированная форма инферентива *-HA-TU* и два репортативных показателя, из которых *-HA-MHU* используется в утвердительных предложениях, а *-HA* — в вопросительных (значение этого показателя — ‘меня послали спросить, верно ли Р’ либо ‘верно ли, что, как говорят, Р?’). Вопросительная форма репортатива оказывается морфологически более простой, чем утвердительная форма; в [Гусев 2006] было показано, что именно *-HA* и было исходным суффиксом эвиденциальных форм. Этот суффикс в указанной работе возводится к праформе **-pe* и сопоставляется с энецким *-bi*. Итак, энецкий показатель может быть унаследован из субстрата нганасанского типа. Трактовка его как вторичной контактной энецко-нганасанской инновации маловероятна²⁵. В этом случае следовало бы предполагать, что более ранняя энецкая система эвиденциальных форм совпадала с ненецкой и в качестве инферентивно-репортативной формы использовалось перфективное причастие с показателем **-mā-jā*. Однако выше при анализе системы причастных форм мы постарались показать, что более архаичная система причастных форм в энецком, вероятнее всего, совпадала с нганасанской, а в этой системе причастие с показателем **-mā-jā* было ограничено пассивными употреблениями (в отличие от ненецкого, где оно нейтрально в отношении залога). При таком залоговом ограничении маловероятно, что эта форма успела бы грамматикализироваться в инферентив-репортатив активного залога, но позже полностью исчезнуть из употребления.

²² Как и с другими архаизмами, из двух возможных объяснений (независимое сохранение архаизма энецким и нганасанским vs. наследование формы энецким из субстрата нганасанского типа) мы выбираем второе потому, что оно представляется нам более вероятным на фоне других фактов субстратного влияния, проанализированных в статье.

10.4. Формы с конъюнктивно-оптативной семантикой

В ненецком и энецком представлен общесамодийский показатель конъюнктива: т. нен. -*yí*, л. эн. -*ñi*, т. эн. -*i* / -*ʔi* / -*ñi*, в нганасанском этот показатель конъюнктива не сохранился, однако представлены две другие формы с интересующим нас значением: конъюнктив с показателем -*HA₁-A₀* (4) и дубитатив с показателем -*LI*. Дубитатив употребляется в значении авертива, т. е. в значении ‘смотри не сделай что-л.’ (5)–(6), в значении эпистемической возможности (7), в риторических вопросах о будущем (8)–(9)²³:

- (4) *aiʔ kəta-baa-m tənə kəta-baa-m.*
EXCL поймать-OPT-1SG ты.ACC поймать-OPT-1SG
‘Эх, поймать бы мне тебя!’ [Wagner-Nagy 2018: 247]
- (5) *бызə дя чалəбə-лы-у!*
вода.GEN к упасть-DUB-S2
‘Смотри, в воду не кувыркнись!’
- (6) *динда-ʔку-мə нейкə-лы-ры-аи?*
лук-DIM-ACC.1 испортить-DUB-O2PL-EXCL
‘Смотрите, лучок-то мой не испортите!’
- (7) *əmə-ñi-ə тə кəриʔə-нə дязыкү-мəну сиркə-уы-ры?*
ЭТОТ-LOC-ADJ вот хорей-GEN.1SG к-PROL выкопать-IMP-2PLS/O
маа-балə или-Ø.
что-то быть-DUB.S3
‘Копайте по направлению того, как хорей мой воткнулся, что-то там будет, полагаю’.
- (8) *Ку-дү-ми ня-мту уəтə-лы-Ø?*
который-SPEC-1DU товарищ-ACC.3SG найти-DUB-S3
[Давай играть в прятки!] ‘Который же из нас первым товарища найдет?’
- (9) *Тə хуə-гүə-нə куə-ʔ ни-лы-ри, маа-м-сутə-Ø?*
а позади-то-LAT.1 умереть-CN NEG-DUB-S2DU что-VDN-FUT-S3
‘А после меня вы разве не умрете, что [иное] произойдет?’

В энецком, помимо общесамодийского конъюнктива (как в ненецком), есть две редкие формы: форма оптатива с показателем -*bi* (сохранилась только у отрицательного глагола в лесном энецком, см. (10)–(11)) и форма с показателем -*ri*. Показатель -*ri* зафиксирован в неопубликованных полевых грамматических материалах Е. А. Хелимского, в самостоятельном употреблении в его материалах он переведен как авертив (12), как оптатив (13), в сочетании с показателем претерита — как вопрос к будущему (14). В материалах по лесному энецкому встретилось однократное употребление в составе бытийного глагола (парадигма которого может, вероятно, сохранять некоторые архаизмы) в сочетании с показателем претерита в значении вопроса о будущем (15):

- (10) *дязуй-да меон и-би-з кань*
след-GEN.3 в.PROL NEG-OPT-S1 пойти-CN
‘по его следам пойдут-ка’ [Сорокина, Болина 2005: текст 45, предл. 30]
- (11) *Тазыбе-зи, мана, и-би-ра таза-’*
шаман-DESTPL.1 сказать.AOR.S3 NEG-OPT-S2PL дать-CN
‘Шаманов мне, говорит, привели бы’. [Сорокина, Болина 2005: текст 6, предл. 19]

²³ Примеры без ссылки на источник выбраны из нганасанских текстов, любезно предоставленных в мое распоряжение В. Ю. Гусевым.

- (12) *d'u-li-bo*
потерять-DUB-01
'не потерять бы мне'
- (13) *moga-xone a-ri-do?*
лес-LOC быть-DUB-S1
'хорошо бы мне быть в лесу'
- (14) *s'i-i? koma-ri-Ø-s'i*
гроз.ACC-1 любить-DUB-S3-PRAET
'будет ли он меня любить?'
- (15) *Онэй нээ тале моды-э-за, кунь э-ри-Ø-сь*
настоящий женщина воровать-INF смотреть-AOR-03 как быть-DUB-S3-PRAET
'Энка украдкой на нее (= на ведьму) смотрит, что дальше будет'. [Сорокина, Болина 2005: текст 12, предл. 60]

Энецкий показатель *-bi*, очевидно, можно отождествить по употреблению с нганасанским показателем опатива *-HA₁-A₀*, энецкий показатель *-ri* — с нганасанским показателем дубитатива *-li*. В результате имеем следующую систему форм.

Таблица 19

Система конъюнктивно-опативных форм северносамодийских языков

Конъюнктив	—	<i>-bi</i> (л. эн.)	<i>-HA₁-A₀</i>
	<i>-yi</i>	<i>-ni</i>	—
Дубитатив	—	<i>-ri</i>	<i>-li</i>

В энецком эти показатели естественнее трактовать как представляющие субстрат нганасанского типа. Показатель опатива *-bi* является морфологическим реликтом, сохранившимся только в парадигме отрицательного глагола в единственной идиоматизированной конструкции 'не сделать ли Р, хорошо бы сделать Р', то есть он во всяком случае не выглядит более молодым элементом системы в сравнении с общесамодийским конъюнктивом, продуктивным образом выражающим это значение в современном энецком. Показатель дубитатива, судя по всему, сохраняет в энецком также только реликтовые употребления. При этом возможность его сочетания с показателем претерита в обоих энецких диалектах (см. (14) и (15)) позволяет рассматривать этот показатель как субстратный элемент, получивший в энецком самостоятельное развитие в конструкции с адстратным постфиксальным показателем претерита, а не как позднее копирование нганасанской конструкции (в нганасанском постфиксального показателя претерита нет).

11. Периферия грамматической системы:
нганасанское субстратное влияние

11.1. Личные местоимения

В энецком языке личные местоимения 1 и 2 лица с высокой вероятностью близки к тем же праформам, которые имеют в нганасанском личные местоимения эмфатической серии (ср. в особенности формы неединственного числа типа эн. *mod'ini?* 'мы двое' < **mən-siə-nij*, нг. *mjñšianic* 'мы двое' < **men-siə-nij*), см. таблицу 20.

Таблица 20

Личные местоимения северносамодийских языков

	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	
			эмф.	прост.
1SG	<i>məny^o</i>	<i>mod'i</i>	<i>mjñśiəṇə</i>	<i>mənə</i>
1DU	<i>mənyih</i>	<i>mod'ihī?</i>	<i>mjñśiəṇi^c</i>	<i>mii</i>
1PL	<i>mənyaq</i>	<i>mod'ina?</i>	<i>mjñśiəṇi?</i>	<i>mij</i>
2SG	<i>pir^o ~ pədər^o ~ pəd^oyer^o24</i>	<i>tod'i</i>	<i>tjñśiəṭə</i>	<i>tənə</i>
2DU	<i>pəd^oryih piry^oh</i>	<i>tod'idi?</i>	<i>tjñśiəṭi^c</i>	<i>tii</i>
2PL	<i>pəd^oraq piraq</i>	<i>tod'ida?</i>	<i>tjñśiəṭi?</i>	<i>tij</i>

Вместе с тем энецкий демонстрирует некоторые отличия от нганасанского, которые говорят скорее об определенном периоде независимого развития форм в энецком и нганасанском, чем о недавнем копировании, что позволяет нам относить эти местоимения в энецком к субстратному слою. Ниже приведены праформы местоимений в нганасанском и энецком и прокомментировано их развитие.

1SG: нг. **men-siə-nə*, эн. **mən-siə* (в нганасанском используется специальная основа личного местоимения с особой огласовкой, в энецком отсутствует лично-притяжательный показатель²⁵, в суффиксе произошло сокращение дифтонга).

1DU: нг. **men-siə-nij*, эн. **mən-siə-nij*.

1PL: нг. **men-siə-năt*, эн. **mən-s' iə-năt*.

2SG: нг. **ten-siə-ntə*, эн. **tən-siə* (в нганасанском используется специальная основа личного местоимения с особой огласовкой, в энецком отсутствует лично-притяжательный показатель).

2DU: нг. **ten-siə-ntij*, эн. **tən-siə-ntij*.

2PL: нг. **ten-siə-ntăt*, эн. **tən-siə-ntăt*.

11.2. Вопросительные и указательные местоимения

В энецком представлено несколько основ вопросительных локативов и дейктических / анафорических местоимений:

²⁴ Фонетические варианты.

²⁵ Это можно объяснить как раз переходом на язык типа ненецкого: в ненецком местоимения 1DU и 1PL так же, как и в энецком, по-видимому, образованы от местоимения 1SG, что показывает форма с лимитативной интраклатикой *ryi* т. нен. *məny^o-ryi-naq* 'только мы', где *məny^o* совпадает с местоимением т. нен. *məny^o* 'я'.

а) чистая основа:

Праформа	т. нен.	т. эн.	л. эн.	нг.
вопр. *ku-	ku-d° ‘откуда?’	ku-do ‘откуда?’		ku-tə ‘откуда?’
дальний дейксис	*tə-	təh ‘тот’	too(?) ‘туда’ too ‘тот’	təə ‘тот’
ближний дейксис	*əm(ə)-	eo? ‘этот’	← omoone ‘по этому месту’	əmə- ^C ‘туда’ əmə-ənĭ ‘по этому месту’

б) основа + *-t³kə(jə)

Праформа	т. нен.	эн.	нг.
вопр. *ku-t ³ kV		ku-ke ‘кто, который?’ ku-ko-xorio-ne ‘хоть где’	
дальний дейксис	*ti-t ³ kV	tyi-ki° ‘тот’ tyi-ka-xəd° ‘оттуда’	t’i-ke ‘тот’ t’i-ko-xodo ‘оттуда’
ближний дейксис	*əm(ə)-t ³ kV *tū-kV	e-ke ‘этот’ e-ko-xodo ‘оттуда’ tyu-ku° ‘этот’, tyu-ko-xəd° ‘оттуда’	

в) основа + *-ñi(ə)

Праформа	т. нен.	т. эн.	л. эн.	нг.
вопр. *ku-ñi-		ku-u=no-ne ‘где?’	ku-u=ne-ne ‘где?’ ku-ni-ne ‘где?’	ku-ñi-ni ‘где?’
дальний дейксис	*tə-ñi-	te-i=no-ne ‘там’	te-i=ne-ne ‘там’ to-ni-ne ‘там’	tə-ñi-ni ‘там’
ближний дейксис	*əmə-ñi-	i-i=no-ne ‘там неподалеку’	i-i=ne-ne ‘там неподалеку’	əmə-ñi- ^C ‘туда в сторонку’

Серия а) является наиболее архаичной. Серия б), очевидно, возникла в энецком под вторичным влиянием ненецкого: во-первых, мы видим, что этот суффикс аналогически распространился на большее число форм, чем в ненецком, во-вторых, в энецком он фонетически более регулярен (регулярна огласовка суффикса как в номинативе, так и в формах косвенных падежей, за счет чего нет прямого исторического соответствия ненецких и энецких форм). Серия в), очевидно, отражает субстратное влияние нганасанского: в ненецком подобных форм нет. Прокомментируем несколько наиболее интересных моментов:

1) Следует обратить внимание на общий для нганасанского и энецкого корень местоимения близкого дейксиса *əm(ə)-, отсутствующий в ненецком. На то, что этот элемент является субстратным, указывает, во-первых, особое фонетическое развитие форм с этим корнем в энецком (анлаутный *e-*, *i-* вместо регулярного *o-*), что было бы невозможно при вторичном заимствовании. Во-вторых, в местоимениях серии в) мы видим специфически энецкую морфологическую структуру местоимений (т. эн. *i-i=no-ne*, л. эн. *i-i=ne-ne* ‘там неподалеку’ — из стянувшейся послеложной конструкции), что также указывает на определенный возраст этих форм в энецком.

2) На то, что серия б) отражает вторичное влияние ненецкого адстрата, указывает также местоимение *e-ke* ‘этот’, *e-ko-xodo* ‘оттуда’: исторически корректной была бы форма

e-ge**, *e-go-xodo** (< ***äm-kä-jä**, ***äm-kä-xätä**), однако в данном случае суффикс прибавляется ко вторичной, вычлененной по аналогии основе, представленной в других местоимениях с этим корнем в энецком.

3) На то, что серия в) отражает нганасанское субстратное влияние, указывает прежде всего сложное фонетически нерегулярное развитие этих форм в энецком. Местоимения являются квазиграмматическими элементами, за счет чего затрагивающие их фонетические процессы могут отличаться от тех, которые характерны для основного массива лексики. Заметим, что, если в случае вторичной серии б) энецкие формы максимально регулярны (что отличает их от фонетически нерегулярных ненецких), в случае субстратной серии мы видим фонетически нерегулярные формы уже в самом энецком:

ku-ñi-** > т. эн. *ku-u=no-ne*, л. эн. *ku-u=ne-ne* вместо ожидаемого т. эн. *ku-i=no-ne**, л. эн. ****ku-i=ne-ne**;

tā-ñi-** > т. эн. *te-i=no-ne*, л. эн. *te-i=ne-ne* вместо ожидаемого т. эн. *to-i=no-ne**, л. эн. ****to-i=ne-ne**;

äm-ñi-** > т. эн. *i-i=no-ne*, л. эн. *i-i=ne-ne* вместо ожидаемого т. эн. *e-i=no-ne**, л. эн. ****e-i=ne-ne**.

4) В лесном энецком сохранились возникшие под вторичным нганасанским влиянием формы, которые не демонстрируют никаких нерегулярностей (такие формы обозначены в таблице стрелками). Наиболее показательна форма л. эн. *отоопе* ‘по этому месту’ (соотв. нг. *әтә-әңі*), в которой корень ***äm(ä)-** уже имеет регулярный анлаутный *o-*.

Местоимения ‘какой?’, ‘такой’ имеют следующий вид в северносамодийских языках:

	т. нен.	л. эн.	т. эн.	нг.
‘какой?’	<i>xurka</i>	<i>kurse</i> ↑	<i>kuroe</i>	<i>kuräd'i</i>
‘такой’	<i>tärcya</i> →	<i>torse</i> ↑	<i>toroe</i>	<i>täräd'i</i>

Местоимения ‘какой?’, ‘такой’ в лесном энецком, вероятнее всего, возникли под поздним сепаратным влиянием тундрового ненецкого. Во-первых, кластеры не должны были бы сохраниться, если бы эти формы представляли собой результат исторически регулярного развития общей с ненецким праформы. Во-вторых, очевидно, что из ненецкого было заимствовано местоимение т. нен. *tärcya* > л. эн. *torse* ‘такой’, затем в энецком из этого местоимения был вычленен суффикс л. эн. *-rse*, с помощью которого по аналогии было образовано местоимение *kurse* ‘какой?’: суффикс л. эн. *-rse* соответствует т. нен. *-rcya*, который, в свою очередь, является выступающим в переднерядных основах вариантом суффикса т. нен. *-rka*. Однако основа местоимения ‘какой’ является этимологически заднерядной (ср. этимологически корректное т. нен. *xurka*). Напротив, т. эн. *toroe* и *kuroe* точно соответствуют нг. *täräd'i* и *kuräd'i*, так что можно предполагать, что в общененецком были представлены именно эти местоимения нганасанского субстратного типа, которые позже были вторично заменены в лесном энецком.

Вопросительное местоимение ‘что?’ имеет следующий вид в северносамодийских языках:

	т. нен.	л. эн.	т. эн.	нг.
	<i>ñäm-ke</i>			
‘что?’	<i>ñämka-ryi</i> (ср. также <i>ñäwo//cy°</i> ‘для какой цели служить’)	<i>obu</i>	<i>mii?</i> (? < r)	<i>maa</i>

Местоимение ‘что?’ лесного энецкого родственно ненецкому, однако выглядит как вторичная адаптация (в ходе смены языка) основы GEN.PL ненецкого местоимения: л. эн. *obu* ←

т. нен. *ḡəwoq* (форма GEN.PL от *ḡəm-ke*). Параллелизм основы т. нен. и л. эн. обнаруживается также в л. эн. *obu-ru* [что-LIM] ‘вещи’, ср. т. нен. *ḡəwoyiq* [что-LIM-GEN.PL] ‘вещи’. Местоимение т. эн. *miiʔ* ($ʔ < r$) ‘что?’ явно родственно нг. *maa* ‘что?’, нганасанский отражает праформу **meḡ*, т. эн. — праформу **meḡ-r* с дополнительной перегласовкой **ə > i* перед ауслатным суффиксальным *r*. Различие морфологической структуры местоимений нганасанского и тундрового энецкого заставляет рассматривать эту параллель между двумя идиомами не как случай вторичного контактного влияния нганасанского, а как сохранение общего архаизма — в противовес сближению лесного энецкого с ненецким, о вторичности которого свидетельствует адаптация энецким морфонологически и морфологически более удобной формы местоимения GEN.PL²⁶.

12. Заключение

Можно заметить, что практически никогда историческая фонетика не помогала нам отделить в энецком ни нганасанские субстратные явления от ненецких адстратных, ни результаты вторичного влияния нганасанского от хронологически более ранних явлений: для всех рассмотренных материальных единиц выполняются все исторические фонетические законы, которые мы знаем для энецкого. В связи с этим интересно следующее наблюдение: Е. А. Хелимский рассказывал в личной беседе, что один из лучших его информантов по тундровому энецкому, Холю Николаевич Каплин, также в совершенстве владевший ненецким, иногда мог выдавать «фантомные» энецкие слова, существование которых не подтверждали потом другие квалифицированные носители тундрового энецкого. Дело в том, что Е. А. Хелимский собирал от Х. Н. Каплина лексические материалы, причем Холю Николаевичу (который не владел свободно русским языком) было проще работать не с русскими стимулами, а с ненецкими (из словаря [Терещенко 1965]). Обсуждающиеся «фантомные» слова возникали как побочный результат такой работы: как оказалось, для Х. Н. Каплина было естественно пересчитать, как фонетически должна была бы выглядеть энецкая форма, соответствующая ненецкому стимулу (хотя в реальности такого энецкого слова не было).

При этом в завершение статьи нам хотелось бы обсудить один пример, показывающий, что в ситуации такого предполагаемого «билингвизма с пересчетом» изредка даже лексическая и грамматическая части одного и того же слова могут быть «обработаны» различным образом. Разберем случай с названием мамонта (см. также [Кахейнен 2022], где обсуждается история этого слова в самодийских языках). Т. эн. *kari-a* ‘живой мамонт’ соответствует нг. *kala-ḡu* ‘живой мамонт’, а т. эн. *kari-i* ‘мамонтовая кость’ соответствует нг. *kala-d’əḡ* ‘мамонтовая кость’. Суффиксы обоих слов, безусловно, проще объяснить в нганасанском, чем в энецком, ср. суффиксы в нг. *hulu-ḡu* ‘корпус нарты’, *horə-ḡu* ‘объект ругани, оспариваемый объект’, *mənə-ḡu* ‘шаманское пение, песенное камлание’ (при *mənə-mu* ‘совет, рекомендация’) и суффикс именного претерита в *bəbə-d’əḡ* ‘бывшее место (на котором прежде находился какой-то предмет, раньше сидел человек, лежал олень и т. п.)’: в нганасанском первый суффикс непродуктивен, второй продуктивен, в энецком первого суффикса нет вообще, а второй непродуктивен.

Парадокс этих слов состоит в том, что соответствия гласных в корневой части т. эн. *kari-* и нг. *kala-* выглядят как очень поздние (исторического соответствия т. эн. *a* = нг. *a* в первом слоге нет). Однако соответствия в суффиксальной части т. эн. *-a* = нг. *-ḡu* и т. эн. *-i* = нг. *-d’əḡ* выглядят как исторически корректные, подтверждаясь и остальным массивом

²⁶ Этимология обеих основ также говорит в пользу именно такой трактовки: местоимение **ḡm-* имеет ненадежную параллель в камасинском [Janhunen 1977: 17], местоимение **meḡ-* имеет надежные общесамодийские параллели [Ibid.: 17].

лексики. В [Кахейнен 2022] высказывается предположение, что энецкое слово заимствовано из нганасанского (в нганасанском, действительно, историческим продолжением самодийского слова со значением ‘мамонт’ является нг. *koliinj* ‘кит’). Однако этому противоречат два обстоятельства: во-первых, оснований предполагать производность этих слов на энецкой почве нет — в энецком нет оснований выделять подобные суффиксы, тогда как из нганасанского материала их производность объясняется вполне естественно. Во-вторых, надежных примеров заимствований из (тундрового) энецкого в нганасанский нет. Так что, каким бы ни был источник нганасанского слова, в энецком это слово выглядит так, что корень, образно говоря, представляет собой случай заимствования без пересчета вокализма, а суффиксы — случай заимствования с пересчетом вокализма. Такие парадоксы, вероятно, порождаются ситуацией билингвизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IMP — императив
ACC — аккузатив	INF — инфинитив
ADJ — атрибутивный показатель	IPFV — имперфектив
ADV — показатели падежей, употребляющиеся в наречиях и послелогах	LAT — латив
AOR — аорист	LOC — локатив
CARIT — каритив	NEG — отрицательный глагол
CN — коннегатив	O — объектное спряжение
COND — условное дееспричастие	OPT — оптатив
DEST — дестинатив	PL — множественное число
DIM — диминутив	PRAES — настоящее время
DU — двойственное число	PRAET — прошедшее время
DUB — дубитив	PROL — пролатив
DUR — дуратив	PRON — личное местоимение
EL — аблатив	R — рефлексивное спряжение
EXCL — восклицание	S — субъектное спряжение
FUT — будущее время	SG — единственное число
GEN — генитив	SPEC — выделительная форма ‘один из нескольких’
HAB — хабиуталис	VDN — суффикс, образующий отыменные глаголы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гусев 2006 — Гусев В. Ю. О сохранении архаичных форм в неассертивных контекстах: материал самодийских языков. *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. А. Холодовича: материалы*. Храковский В. С., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006, 41–45. [Gusev V. Yu. On retainment of archaic forms in non-assertive contexts: Samoyedic data. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. International conf. on the 100th birthday of A. A. Kholodovich: Proceedings*. Xrakovskij V. S., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006, 41–45.]
- Гусев 2022 — Гусев В. Ю. Рефлексы прасамодийских *a и *ä и нганасанский сингармонизм. [Gusev V. Yu. Reflexes of Protosamoyedic *a and *ä and Nganasan vowel harmony.] *Sibirica et Uralica: In Memoriam Eugene Helinski*. Anikin A., Gusev V., Urmancieva A. (eds.). Szeged: Univ. of Szeged, 2022, 39–62.
- Кахейнен 2022 — Кахейнен К. К вопросу о ранних контактах между самодийскими языками: заметки об истории нган. *колиин*. [Kaheinen K. On early contacts between Samoyed languages: Essays on the history of Nganasan *колиин*.] *Sibirica et Uralica: In Memoriam Eugene Helinski*. Anikin A., Gusev V., Urmancieva A. (eds.). Szeged: Univ. of Szeged, 2022, 77–94.
- Костеркина и др. 2001 — Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*. СПб.: Просвещение, 2001. [Kosterkina N. T., Momde A. Ch.,

- Zhdanova T. Yu. *Slovar' nganasansko-russkii i russko-nganasanskii* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2001].
- Кузьменко 1995 — Кузьменко Ю. К. Этнические контакты в Ютландии и языковые изменения в датских диалектах. *Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения*. Бородин М. А., Кузьменко Ю. К. (ред.). СПб: Наука, 1995, 28–60. [Kuzmenko Yu. K. Ethnic contacts in Jutland and linguistic changes in Danish dialects. *Etnolingvisticheskie issledovaniya. Etnicheskie kontakty i yazykovye izmeneniya*. Borodina M. A., Kuzmenko Yu. K. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 1995, 28–60.]
- Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю. К. *Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика*. СПб.: Нестор-История, 2011. [Kuzmenko Yu. K. *Rannie germantsy i ikh sosedi. Lingvistika, arkheologiya, genetika* [Early Germans and their neighbors. Linguistics, archeology, genetics] St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Лабанаускас 2002 — Лабанаускас К. И. *Родное слово. Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы*. СПб.: Просвещение, 2002. [Labauskas K. I. *Rodnoe slovo. Enetskie pesni, skazki, istoricheskie predaniya, traditsionnye rasskazy, mify* [Native word. Enets songs, tales, historical legends, traditional stories, myths]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002.]
- Напольских 2006/2018 — Напольских В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. *Очерки по этнической истории*. Напольских В. В. Казань: Казанская недвижимость, 2018, 64–86. [Napolskikh V. V. The Bulgarian era in the history of the Finno-Ugric peoples of the Volga and Cis-Ural regions. *Ocherki po etnicheskoi istorii*. Napolskikh V. V. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost', 2018, 64–86.]
- Сорокина, Болина 2005 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецкие тексты*. СПб.: Наука, 2005. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. (сост.) *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.]
- Урманчиева 2020 — Урманчиева А. Ю. Деривационная морфология образных глаголов тундрового ненецкого языка. [Urmanchieva A. Yu. Derivational morphology of depictive (onomatopoeic) verbs in Tundra Nenets.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(3): 570–612.
- Филиппова 2011 — Филиппова Т. М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа). *Вестник НГУ. Серия: история, филология*, 2011, 2 (10): 81–87. [Filipova T. M. Peculiarities of the Upper Ob subdialect of the Southern Selkups (Tayzakovo-Starosondorovo group). *Vestnik NGU. Series: History and Philology*, 2011, 2(10): 81–87.]
- Хелимский 1994 — Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка. *Таймырский этнолингвистический сборник*. Хелимский Е. А. (ред.). М.: РГГУ, 1994, 190–221. [Helimski E. A. Essay on morphonology and inflectional morphology of the Nganasan language. *Taimyrskii etnolingvisticheskii sbornik*. Helimski E. A. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994, 190–221.]
- Хелимский 1995/2000 — Хелимский Е. А. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces. *Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи*. Хелимский Е. А. М.: Языки русской культуры, 2000, 167–190. [Helimski E. A. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces. *Komparativistika. Uralistika: Lektsii i stat'i*. Helimski E. A. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000, 167–190.]
- Alatalo 2004 — Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Castrén 1855 — Castrén M. A. *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Be-druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855.
- Donner 1932 — Donner K. *Samojedische Wörterverzeichnisse*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932.
- Donner, Joki 1944 — Joki A. J. *Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944.
- Helimski 1997 — Helimski E. *Die matorische Sprache*. Szeged: Szeged Univ., 1997.
- Helimski 1997/2022 — Helimski E. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen. *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski*. Gusev V., Urmanchieva A., Anikin A. (eds.). Szeged: Szeged Univ., 2022, 479–495.
- Helimski 2005 — Helimski E. The 13th Proto-Samoyedic vowel. *Mikola-konferencia 2004*. Wagner-Nagy B. (ed.). Szeged: SzTE Department of Finnougristics, 2005, 15–26.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.

- Janhunen 1998 — Janhunen J. Samoyedic. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London; New York: Routledge, 1998, 457–479.
- Katz 1987 — Katz H. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen. *Studien zur Phonologie und Morphologie der uralischen Sprachen. Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie, Eisenstadt, 28. Juni — 1. Juli 1984*. Rédei K. (ed.). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1987, 336–348.
- Khanina 2021 — Khanina O. Language and ideologies at the Lower Yenisei (Siberia): Reconstructing past multilingualism. *International Journal of Bilingualism*, 2021, 25(4): 1059–1080.
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Wagner-Nagy 2018 — Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2018.

Получено / received 14.05.2024

Принято / accepted 21.05.2024